

16 Мая
МАЙ.

1874.

ДѢЛО

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ. (Глава VI—XII). МАРІЯТА.
- II. ВЪ САДУ. Стихотвореніе. (Изъ Конце) М. Н.
- III. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА. Романъ. (Окончаніе. Переводъ съ англійскаго.) МИСТІСЪ ФЛЕММИНГА.
- IV. ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотвореніе М. Н.
- V. ДВА МИРА. Романъ. (Часть вторая. Гл. I—IV). НАТАШЪ АЗБЕВЪ.
- VI. ЖИЗНЬ ГОРОДОВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. А. МИХАЙЛОВА.
- VII. ЭДГАРЪ ПО. Н. Ш.
- VIII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕДІИ И НОРВЕГІИ. А. МИХАЙЛОВА.
- IX. УРГУТЬ. (Изъ походныхъ записокъ линейца) Н. И. БИРАЗИНА.
- X. ВЪ ОЖИДАЕИИ ЗЕМНЫХЪ ВЛАГЪ. Романъ. (Часть третья) ГРИГОРІЯ МОРЕЯ.
- XI. ВЪ НОЧНОМЪ. Стихотвореніе Н. З. СУРНЕОВЪ.

См. на оборотѣ.

въ необходимости хотя какимъ-нибудь путемъ создать образованіе въ странѣ—съ другой стороны. Только при самомъ широкомъ до- вѣріи къ населенію могла существовать и существуетъ такая ускользающая отъ контроля школа. Подвижная школа когда-нибудь исчезнетъ въ Швеціи, но исчезнетъ она не вслѣдствіе искусственныхъ мѣръ, а просто вслѣдствіе того, что ее замѣняютъ мало-по-малу и сдѣлаютъ ненужною болѣе совершенныя школы. Такъ мало-по-малу исчезаютъ въ Швеціи школы взаимнаго обученія, хотя взаимное обученіе принесло когда-то Швеціи громадныя услуги. Швеція въ дѣлѣ народнаго образованія стоитъ, какъ я сказалъ, выше Германіи въ томъ отношеніи, что она умѣла пользоваться всѣми средствами, тогда какъ въ Германіи этии средствами пренебрегали. Въ Германіи пренебрегали и подвижными школами, и взаимнымъ обученіемъ, но Швеція воспользовалась и этими несовершенными способами обученія, сознавая, что лучше сдѣлать хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Еще есть одно изъ сильныхъ преимуществъ шведскаго народнаго образованія — это его стремленіе къ практичности. Мы видѣли, что объемъ предметовъ обученія въ народныхъ школахъ Швеціи довольно великъ, но шведы не довольствуются и этимъ и заводятъ высшія народныя школы; кромѣ того, они стремятся завести школы для взрослыхъ, чтобы разъяснить этимъ людямъ ихъ общественное значеніе и политическій строй страны и т. д. Съ большимъ развитіемъ этихъ высшихъ школъ въ деревняхъ начнется и большее процвѣтаніе деревень и сгладится различіе между деревенскими и городскими жителями,—различіе, такъ пагубно отзывающееся на западной Европѣ. Въ Швеціи это различіе менѣе ощутительно и жизнь шведскихъ городовъ мало отличается отъ жизни шведскихъ селъ. Здѣсь болѣе гармоніи въ развитіи разныхъ элементовъ страны, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ западной Европы.

А. Михайловъ.

У Р Г У Т Ъ.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

Послѣ Чапанъ-атинскаго погрома и занятія Самарканда прошла цѣлая недѣля. Отрядъ нашъ тѣснымъ лагеремъ расположился по сторонамъ большой бухарской дороги, на выѣздѣ изъ Самарканда. Въ городской цитадели, гдѣ помѣщенъ былъ походный лазаретъ, устроены временныя склады провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ и находилась главная квартира, сталъ шестой баталіонъ линейцевъ и три роты стрѣлковъ нашей туркестанской гвардіи.

На очень небольшомъ пространствѣ, прорѣзанномъ по всѣмъ направленіямъ артыками, стѣснилось около трехъ тысячъ человѣкъ. Солдаты помѣщались въ крохотныхъ парусинныхъ палаткахъ, на манеръ переносныхъ алжирскихъ. По близости краснѣли, зеленѣли и пестрѣли аіятскія палатки офицеровъ, ослѣпительно сверкали мѣдныя массы орудій, между зарядными ящиками, на протянутыхъ коновязяхъ привязаны были артиллерійскіе кони, которые фыркали и чихали отъ мелкой, всюду проникающей пыли, и тоскливо отмахивались хвостами отъ миріады докучливыхъ мухъ. Цѣлыми тучами носились надъ лагеремъ эти неспособныя насѣкомыя, набивались въ палатки, лѣзли и падали въ котлы, миски и стаканы и не давали сомкнуть глазъ до солнечнаго заката, внося въ нашъ лагерь одно изъ самыхъ назойливыхъ неудобствъ. Дымъ отъ ротныхъ кухонъ черными или сѣроватыми облаками носился надъ рядами палатокъ. Въ воздухѣ пахло котлами, жаренымъ саломъ,

свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ и другими, болѣе или менѣе возбуждающими или отбивающими аппетитъ снадобьями.

Небольшой ручей, протекавшій на днѣ оврага, шатахъ въ трехъ стахъ впереди, снабжалъ весь лагерь довольно порядочною водою. Кругомъ зеленѣли тѣнистые фруктовые сады; надъ лагерьемъ-же кое-гдѣ торчали полувысохшія, ошипанные деревья.

Дорога въ Бухару, обсаженная тутовыми деревьями, раздѣляла лагерь на двѣ почти равныя части. Въ настоящее время дорога эта кипѣла самою оживленною дѣятельностью. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись наскоро сколоченные шалаши, въ которыхъ продавались разные съѣдомыя вещи: варился пловъ, жарились шашлыкъ и рыба, и даже устроены были двѣ или три небольшія хлѣбопекарныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія туземныя лепешки. Въ болѣе опрятныхъ и тѣнистыхъ шалашахъ продавались шербеты и разные фрукты. Разноплеменную, пеструю толпу по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали сартята и жиденки съ лотками на головахъ, выкрикивал ломанымъ языкомъ русскія названія продаваемыхъ предметовъ.

Въ просторныхъ полотняныхъ палаткахъ, принадлежащихъ нашимъ русскимъ вунцамъ и маркитапамъ, толпились солдаты. Татары-прикащики, суетясь, сновали взадъ и впередъ, особенно если въ палатку заходили офицеры, что всегда приносило хорошій доходъ, ибо въ лагерьѣ жилось весело.

Авганцы Искандеръ-Хана, въ яркихъ халатахъ, гремя оружіемъ, рыскали верхомъ въ толпѣ, усердно прикладывая руку къ козырьку, по русскому обычаю, при встрѣчѣ съ нашими офицерами. Лошади ржали, ишаки вытянули длинпоухія морды, пропитательно выкрикивали усталые, вылипившіе верблюды, уложенные рядами у самыхъ боковыхъ арыковъ, жалобно вздыхали, пережевывая рубленую солому (саманъ). Въ воздухѣ стояла невыносимая жара, градусовъ двадцать пять и болѣе въ тѣни по Рео-мюру.

По вечерамъ, когда становилось гораздо прохладнѣе, въ разныхъ пунктахъ лагеря гремѣла незатѣйливая музыка линейныхъ баталіоновъ, звонко заливались хоры пѣсennиковъ и туземная торговля на базарѣ прекращалась. Сарты, жиды и индійцы уходили въ городъ съ тѣмъ, чтобы на другой день вернуться съ свѣжими продуктами. Только въ маркитантскихъ палаткахъ было

яркое освѣщеніе; торговля въ этихъ теплыхъ мѣстахъ не прекращалась вплоть до разсвѣта. Впрочемъ, всѣ мѣры осторожности, принятыя въ военное время, исполнялись съ возможною тщательностью, сплошная цѣнь часовыхъ охватывала весь лагерь, и въ разныхъ укромныхъ пунктахъ закладывались довольно сильныя секреты.

Такъ изо дня въ день проводилось время въ самаркандскомъ лагерьѣ.

Въ самомъ Самаркандѣ жители относились къ намъ чрезвычайно дружелюбно. Мы еще и не подозрѣвали, до какой степени притворна эта миролюбивость. Депутаціи отъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ и кпшлаковъ почти ежедневно представлялись генераль-губернатору. Съ самаго ранняго утра можно было видѣть десятки разныхъ представителей, которые молча сидѣли въ тѣни, на мощеномъ плитами дворѣ эмирскаго дворца (кокъ-таша), гдѣ помѣщалась главная квартира. Передъ депутатами стояли круглые мѣдныя подносы съ лепешками, изюмомъ, сушенымъ урюкомъ и разными мѣстными сластями; тутъ-же жалобно мычали быки на волосныхъ привязяхъ; все это пазначалось на поклонъ Ярмъ-Пашѣ (пол-государя), какъ называли туземцы нашего генераль-губернатора. Часовъ въ одиннадцать, обыкновенно, пазначался пріемъ депутаціи. Разныя сласти и скотъ отбирались и поступали въ пользу караульной роты, на почетнѣйшихъ изъ депутатовъ надѣвались золотыя и серебряныя медали, всѣмъ безъ исключенія — цвѣтные, а иногда и шитые золотомъ халаты, и вся публика, повидимому, чрезвычайно довольная, отправлялась съ миромъ во-свои.

Одинъ только изъ городковъ, казалось, вовсе не расположенъ былъ признавать нашей власти; это былъ Ургутъ. Городъ этотъ лежалъ верстахъ въ сорока отъ Самарканда къ югу, въ глухомъ горномъ ущельѣ, и дороги къ нему были не совсѣмъ-то удобныя. Къ Гусейнъ-Беку, тамошнему правителю, уже не разъ посылали сказать, чтобы онъ явился въ Самаркандъ представиться и получить распоряженія отъ своего новаго правительства, и что, иначе, онъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ русскаго губернатора, что могло-бы имѣть для него очень вредныя послѣдствія;

на все это Гусейнъ-Бекъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво и неопредѣленно или-же не отвѣчалъ вовсе. А между прочимъ, это странное упорство могло вредно вліять на окрестное населеніе. Къ Ургуту, какъ къ опорной точкѣ, начали пристраиваться то тѣ, то другія партіи недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей; получено было вѣрное извѣстіе, что Гусейнъ-Бекъ сносился съ Джура-Биемъ, шахри-сябзьскимъ бекомъ, по ту сторону самаркандскихъ горъ, а Шегри-Сябзь явно выставилъ себя врагомъ русскихъ и союзникомъ бухарскаго эмира. Подобное положеніе дѣлать относительно Ургута надо было прекратить какъ можно скорѣе и окончательно, и рѣшено было послать туда довольно сильный самостоятельный отрядъ, начальнику котораго поручено было, между прочимъ, стараться, на-сколько это возможно, устроить дѣло мирнымъ путемъ, не доходя до вооруженнаго столкновенія. Десятаго мая, вечеромъ, отрядъ этотъ былъ сформированъ и ночью выступилъ изъ Самарканда по ургутской дорогѣ.

Была чудная весенняя ночь, — такая ночь, какія и здѣсь, въ средней Азіи, выдаются на рѣдкость. Полная луна высоко стояла въ небѣ; было такъ свѣтло, что читать можно было почти безъ затрудненія. Удушливый, отнимающій сонъ лѣтній ночи еще не начинались и въ воздухѣ было прохладно.

Отрядъ нашъ вытягивался по узкимъ улицамъ Самарканда. Пѣхота шла молча, безъ пѣсенъ и говору, тяжело переступая по вершковой пыли. Сильно клонило ко сну и солдаты на ходу дремали. Всѣ ворота были на-глухо заперты и въ городѣ царствовала мертвая тишина; изрѣдка только выскочить тощая дворовая собака и съ хриплымъ лаемъ пробѣжить по плоской крышѣ, провожая мелькающій передъ ея глазами ротный значекъ. Колеса орудій и ящиковъ глухо гремѣли по камнямъ. Пестрые джигиты-киргизы и авганцы, щелкая нагайками по тощимъ бокамъ своихъ лошадей, пробирались вплотную къ стѣнамъ, обгоняя пѣхоту. Офицеры, распустивъ поводья, клевали носомъ, сидя на мягкихъ казачьихъ сѣдлахъ. Скоро подошли къ городскимъ воротамъ; здѣсь находилась маленькая базарная площадка съ запертыми лавочками и пустыми навѣсами. Четыре оборванныхъ сарта съ боль-

шими бубнами въ рукахъ сидѣли на корточкахъ подъ навѣсомъ, угрюмо глядя на проходящихъ солдатъ; ни одинъ мускулъ не пошевелился на этихъ типичныхъ, рѣзко очерченныхъ лицахъ, и казалось, что они совершенно равнодушно относились къ шуткамъ и островамъ гяуровъ, сыпавшимся на нихъ изъ шедшихъ мимо рядовъ. Это былъ одинъ изъ туземныхъ городскихъ карауловъ, обязанность которыхъ была обходить базары и улицы и караулить по ночамъ городскіе ворота. Сзади, отъ хвоста колонны, слышались крики: „Направо, налѣво раздайся!“ Пѣшіе прижались къ стѣнамъ, очищая дорогу, конные ускорили шагъ. Показалась небольшая группа верховыхъ, которая, ускореннымъ шагомъ, почти рысцью, обгоняла отрядъ. Это былъ начальник отряда полковникъ А—въ. Онъ ѣхалъ впереди на красивой рыжей лошади, вполголоса здороваясь съ людьми и слегка кивая своей бѣлой фуражкой; два-три офицера и нѣсколько казаковъ рысили за нимъ тѣсной кучкою; надъ конвоемъ развѣвался большой полосатый значекъ, тѣнь отъ котораго длинной полосой бѣжала по плоскимъ крышамъ. Скоро весь отрядъ, пройдя подъ темными, массивными воротами, выбрался изъ города и втянулся въ окрестные сады. Дорога стала значительно шире; по сторонамъ тянулись довольно высокіе глиняные заборы, изъ-за которыхъ виднѣлись развѣсистыя, курчавыя верхушки фруетовыхъ деревьевъ. Громадные туты, сплошь покрытые бѣлыми ягодами, бросали на дорогу густую, непроницаемую тѣнь. Часто попадались отдѣльные садики съ квадратными прудиками посерединѣ, обсаженными высокими, кудреватыми каратачами; сквозь темныя массы зелени виднѣлись жилые дворы, обнесенные высокой зубчатою стѣною, часто съ затѣйливыми украшеніями, вырѣзанными по сырой глинѣ. Вездѣ по сторонамъ, сквозь яркую зелень засѣянныхъ клеверомъ полей, серебрились узкіе арки, по которымъ, съ глухимъ журчаніемъ, бѣжали мутные потоки воды; такіе-же арки, но только значительно шире, поминутно перерѣзывали дорогу, и черезъ нихъ вели ветхіе, полуразвалившіеся мостики. Въ воздухѣ пахло медовымъ запахомъ тутовника. Цѣлый градъ ягодъ сыпался на пыльную дорогу при каждомъ ударѣ штыка о низко свѣсившіяся вѣтви. Красноватый шаръ луны спустился къ самому горизонту и на немъ ясно рисовались далекія горныя вершины. Вся восточная сторона неба подернулась блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ

а черезъ часъ ослѣпительно блеснули яркіе огненные лучи и погнали передъ собою по цѣлому морю изумрудной зелени легкую дымку утренняго тумана.

Скоро мы выбрались изъ садовъ, которые по этому направленію тянутся почти на пятнадцать верстъ отъ городскихъ стѣпъ. Необозримыя поля, засѣяныя клеверомъ, пшеницею, рисомъ, видѣлись всюду, куда только хваталъ глазъ; кое-гдѣ возвышались насыпные курганы, желтѣли низенькія стѣпки изъ глины и отдѣльно разбросанныя небольшіе садики. Около дороги лежало довольно большое, пзрытое и заросшее бурьяномъ, мальвами и разными сорными травами, пространство, усѣянное продолговатыми, бѣлыми и темно-сѣрыми каменными плитами; надъ нѣкоторыми изъ нихъ торчали шесты съ повѣшенными тринками и желѣзными зубчатыми наконечниками: это было кладбище съ безчисленными могилами правовѣрныхъ. Въ сторонѣ видны были два кургана, на вершинахъ которыхъ сложены были грубыя подобія мавзолеевъ, осыпанные бумажками изъ конскихъ хвостовъ и мѣдными, пустыми внутри, шарами, висющими на тонкой проволоцѣ: здѣсь покоились тѣ, которые еще при жизни получили высокій санъ святыхъ—столбовъ мусульманства. Мы прошли еще верстъ пять и, спустившись въ небольшую лощину, расположились на привалъ по берегамъ довольно широкаго аръка съ мутною, землистою водою. Обозы съ трудомъ вытягивались на противоположную возвышенность и, выстраиваясь рядами, распрягали лошадей, офицерскія повозки катились къ своимъ частямъ, казаки ставили на приколы своихъ запыленныхъ и отряхивающихся лошадей. Скоро, то тамъ, то сямъ, затрещали веселые огоньки и потянулись голубоватые струйки дыма, оживленный разговоръ слышался со всѣхъ сторонъ, весь берегъ аръка усѣянъ былъ умывающимися солдатами.

Недолго отдыхали мы на этомъ мѣстѣ. Скоро барабаны затрещали подъѣмъ, люди поднялись и выстроились, артиллерія впрягла лошадей и мы тронулись снова. Впереди, за лентою полей, видѣлся прелестный голубой хребетъ Самаркандъ-Тау, у подножья котораго расовались большія темно-синія пятна; намъ говорили проводники, что это были заросшія садами ущелья Ургута. Страшно, что мы по дорогѣ совершенно не встрѣчали никого изъ жителей; даже въ поляхъ не видно было ни одного

человѣка; казалось, что жители бѣжали отъ насъ и оставляли на поляхъ работы, при первомъ появленіи, вдали на дорогѣ, бѣлой лентой нашего отряда съ сверкающими на солнцѣ черточками штыковъ.

Часамъ къ четыремъ вечера отрядъ нашъ пришелъ къ мѣсту ночлега, верстахъ въ шести не доходя до Ургута. Мы расположились на просторной луговой равнинѣ, большимъ четырехугольникомъ, примкнувъ къ быстро бѣгущему ручью, называвшемуся также Ургутомъ. Шесть ротъ пѣхоты стали развернутымъ фронтомъ по фасамъ четырехугольника, казачьи орудія стали между ротами, казаки растянулись по берегу, прикрывая расположенныя здѣсь-же ротныя кухни; середину лагеря заняли отрядный обозъ и офицерскія палатки. Нѣсколько пустыхъ сакель примыкали къ самому лагерю; сакели эти, видимо, были брошены не болѣе, какъ за часъ передъ нашимъ прибытіемъ. Жители успѣли захватить только самое для нихъ цѣнное, все-же остальное было въ безпорядкѣ брошено, какъ внутри сакель, такъ и посреди дворишковъ: посуда глиняная и деревянная, нѣсколько мѣшкови (батмаковъ) съ зерновымъ хлѣбомъ, какіе-то пестро раскрашенные съ позолотою шкапики и много разнаго хлама. Сейчасъ-же занялись варкою ужина. На дрова разобрали крышу одной изъ сакель и подъ громадными ротными котлами запылали яркіе огни. Офицерскіе деньщики забѣгали съ мѣдными чайниками... Лагерь принялъ свою обычную фizioномію.

Прямо передъ нами подымались горы; казалось, что можно было рукой достать эти покрытые сочной зеленою склоны, но почти тапъ (восемь верстъ) отдѣлялъ насъ отъ подножья хребта. Ближе всего, постепенно сливаясь съ равниной, высились роскошныя ярко-зеленые холмы, выше поднимались грозныя скалы причудливой формы, громоздясь одна на другую, то расходясь и образуя темныя тѣсени, то сплошною стѣною загораживая темно-синее небо. Ключковатыя, разорванныя тучи скользили по каменнымъ утесамъ, бросая на нихъ бѣгущія тѣни; иногда онѣ сливались въ большія массы, спускались къ самымъ подножьямъ и медленно ползли по низу, пока вырвавшійся изъ ущелья стремительный порывъ вѣтра не разрывалъ ихъ и не гналъ снова въ высь, къ искрившимся на солнцѣ ярко-бѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ. Густые сады, между которыми видѣлись глиняныя по-

стройки, раскинуты были по ближайшим склонам; за ними возвышался отдельный курганъ, вершина и скаты которого тѣсно были обстроены. Въ бинокль можно было ясно различать отдѣльные сакли и зубчатые стѣны на вершинѣ кургана. Далѣе за курганомъ снова виднѣлись сады, постепенно теряясь въ глубокое ущельѣ. Это и былъ Ургутъ, расположенный у входа въ свое недоступное ущелье.

Между тѣмъ свирѣпствовавшіе въ горахъ порывы вѣтра стали доноситься и до насъ; заколыхались легкіе шелковые значки и дрогнуло натянутое на тонкихъ веревкахъ полотно солдатскихъ палатокъ. Свинцовая туча, охвативъ пол-горизонта, шла прямо на нашъ лагерь съ глухими ударами грома; горное эхо вторило имъ съ безконечными перекатами; крупныя капли дождя защекали по пыльной дорогѣ. Черезъ пять минутъ хватилъ проливной дождь. Люди попрятались въ палатки и подъ повозки; одни только часовые, плотно завернувшись въ свои сѣрые плащи, мѣрно рассказывали передъ рядами составленныхъ въ козлы ружей. Черезъ полчаса пронеслись дождевыя тучи. Яркіе лучи заходящаго солнца заискрились на мокрой зелени и по горамъ протянулись чудныя радужныя полосы. Въ воздухѣ стало прохладно. День клонился къ вечеру.

Цѣль нашей экспедиціи, какъ я уже сказалъ, не была безусловно-враждебна. Отъ Гусейнъ-Бека требовалось только одно—чтобы онъ прибылъ въ Самаркандъ для личныхъ переговоровъ съ генераль-губернаторомъ и принялъ далеко не тяжелыя условія покорности. Только въ случаѣ полного сопротивленія позволено было намъ употребить въ дѣло оружіе. Итакъ, надо было испробовать предварительно мирныя средства.

Рѣшено было послать къ Гусейнъ-Беку письма отъ генераль-губернатора и отъ начальника нашего отряда, въ которыхъ, по возможности, кратко и вразумительно изложена была цѣль нашего прибытія. Кромѣ того, надо было послать эти письма съ такимъ человѣкомъ, который-бы сумѣлъ лично говорить съ бекомъ и не побоялся-бы довольно крупныхъ непріятностей, могущихъ случиться съ посланнымъ, если только предложенія наши не будутъ встрѣчены миролюбиво. Не разъ бывали случаи, что подобные посланные возвращались или съ обрѣзанными ушами

и носомъ, или-же не возвращались вовсе. Въ настоящемъ случаѣ выборъ палъ на Нурмеда.

Какой-то всадникъ, на высокой туременской лошади, въ полутатарскомъ костюмѣ и въ косматой лисьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, шагомъ подъѣзжалъ къ ставкѣ нашего полковника и слѣзъ съ лошади. Это былъ Нурмедъ. Онъ, согнувшись и приподнявъ на головѣ шапку, вошелъ въ ставку. Рѣдко можно встрѣтить такую оригинальную фizioномію; подъ густыми, нависшими бровями сверкали, какъ угли, два темно-каріе глаза, высокий гладкій лобъ окоймлялся густою щеткою гладко остриженныхъ сѣдыхъ волосъ, широкій, чувственный ротъ постоянно складывался въ какую-то добродушную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лукавую улыбку, сквозь бѣлыя кольца выющихся усовъ сверкали ослѣпительные зубы и роскошная черная съ частою просѣдью борода длинными прядями расплзлась чуть не на половину груди.

Куда только судьба ни закидывала эту оригинальную личность; вся его жизнь наполнена была разнообразными, въ высшей степени романическими приключеніями. Онъ самъ не любилъ рассказывать эпизоды своего прошедшаго, а если и рассказывалъ, то часто въ его рассказахъ сквозило умышленное противорѣчіе. Говорили, что лѣтъ тридцать тому назадъ онъ бѣжалъ изъ Сибири, что долго онъ слонялся по обширнымъ степямъ киргизской орды, потомъ пробрался въ бухарское ханство, служилъ у отца нынѣшняго эмира Насрулла, былъ у него въ милости и въ немилости, участвовалъ съ нимъ въ походахъ, потомъ былъ придворнымъ медикомъ при дворѣ уже настоящаго эмира Мозафара и, наконецъ, снова явился къ русскимъ, разсчитавъ, что давно забыто его прошедшее и не докопаться до него никакими пресловутымъ слѣдователямъ, да и кому охота была заглядывать въ его далекое былое.

Ему сообщили сущность его порученія; онъ молча выслушалъ, завернулъ въ широкій поясъ письма и, пожавъ руки ближайшимъ изъ офицеровъ, съ поклономъ вышелъ изъ палатки. Скоро мы видѣли его далеко, уже за цѣпью часовыхъ; длинноногій аргамакъ ходко рысиль по узкой дорогѣ, верхушка лисьей шапки ярко краснѣла издали и за согнутой богатырской спиной торчали стволы вынутой изъ чехла винтовки.

Между тѣмъ стало замѣтно темнѣть; звѣзды все гуще и гуще усѣвали синее небо; надъ кухонными огнями стояло красноватое зарево; казаки и артиллеристы навѣшивали на коней торбы съ ячменемъ, солдаты уже поужинали и ночная цѣпь часовыхъ разставлена была вокругъ лагеря. Люди, утомленные большимъ переходомъ, крѣпко спали, свернувшись подъ своими шинелями. Въ офицерскихъ палаткахъ кое-гдѣ еще виднѣлись огни, въ ставкѣ же начальника отряда было ярко освѣщено; тамъ никто не спалъ: ждали возвращенія Нурмеда и рѣшенія вопроса, быть или не быть на завтра кровавому штурму строптивого Ургута.

Прошло часа три. Наконецъ, въ цѣпи послышался тревожный окликъ. Топотъ нѣсколькихъ лошадей приближался къ лагерю и изъ темноты начали одна за другою выдѣляться конныя фигуры. Онѣ остановились уже внутри лагеря и стали слѣзать съ лошадей; ихъ встрѣтили и ввели въ палатку начальника отряда. Черезъ пять минутъ всѣ прибывшіе сидѣли полукругомъ на разостланномъ коврѣ; напротивъ нихъ помѣстился на складной кровати полковникъ А—въ, правѣе и лѣвѣе его нѣсколько офицеровъ, а сзади, въ полусвѣщенныхъ пространствахъ, виднѣлось, одно за другимъ, множество любопытныхъ лицъ, пришедшихъ послушать, чѣмъ кончится это интересное засѣданіе. Нурмедъ вернулся вмѣстѣ съ прибывшими и что-то рассказывалъ одному изъ нашихъ офицеровъ. Мы узнали, что это прибылъ самъ Гусейнъ-Бекъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ отряда. Объясненія эти, послѣ обычнаго обмѣна любезностей, начались.

Теперь мы обратимся нѣсколько назадъ, къ минутѣ отъѣзда Нурмеда изъ нашего лагеря *).

Версты четыре проѣхалъ джигитъ, не встрѣтивъ ни одной живой души; уже ясны были видны первыя стѣнки ургутскихъ садовъ, можно было свободно различать группы плодовыхъ деревьевъ; тогда онъ замѣтилъ за стѣнами какое-то движеніе: казалось, что толпы пѣшаго народа двигались взадъ и впередъ, что-то работали, слѣша и суетясь; кое-гдѣ сновали конные, красные халаты которыхъ замѣтны были издали; глухой говоръ слышался по садамъ, можно было уже различать отдѣльные крики и звуки

*) Заимствовано мною изъ личнаго разсказа Нурмеда о его ургутскихъ походахъ.

дребезжавшаго рожка. Нурмедъ постоялъ минуту на мѣстѣ, осмотрѣлся и потомъ потихоньку началъ спускаться къ быстрому, бѣгущему по кремнистому руслу, ручью. Черезъ ручей онъ перѣѣхалъ въ бродъ—воды было едва по-колѣно; выбравшись на другой берегъ, онъ пустилъ коня въ карьеръ и понесся по каменистой дорогѣ, пристально глядя по сторонамъ. Едва онъ проскакалъ шаговъ триста, какъ услышалъ громкіе крики: нѣсколько конныхъ выскакали изъ ближайшихъ садовъ и приближались къ нему, стараясь охватить его со всѣхъ сторонъ. Мимо самыхъ ушей его просвисталъ пущенный изъ пращи камень. Нурмедъ еще шибче погналъ своего аргамака; поджарый сынъ степей стлался по дорогѣ. Джигитъ хорошо зналъ мѣстные нравы: попавшись жителямъ въ руки прежде, чѣмъ его замѣтитъ офиціальныя власти, онъ могъ разсчитывать натерпѣться много крупныхъ непріятностей; цѣлью его бѣшеной скачки было какъ можно скорѣй прискакать въ городъ и понастѣя на глаза если не Гусейнъ-Бека, то кого-нибудь изъ его подчиненныхъ. Вотъ еще разъ ему пришлось перебираться черезъ рѣчку. Съ плескомъ разступилась прозрачная горная вода; дико фыркая, конь въ два прыжка вскарабкался на противоположную сторону; толстое бревно лежало поперекъ дороги, густыя зеленныя вѣтви топорщились во всѣ стороны. Аргамакъ на минуту остановился и мигомъ нѣсколько рукъ ухватилось за поводья; разгоряченный бѣгомъ конь взвился и перелетѣлъ черезъ препятствіе. Нурмедъ вырвался и оставилъ въ рукахъ державшихъ полу своего пестраго бешмета. Узкая улица, по которой онъ несся, извивалась по берегу. Вдругъ цѣлая баррикада, сложенная изъ свѣже-срубленныхъ бревенъ во всю ширину, загородила ему дорогу; разскакавшійся конь разомъ сталъ, какъ вкопанный, раздувъ широко ноздри и наостривъ маленькія уши. Въ нѣсколько секундъ Нурмедъ былъ окруженъ густою толпою народа, которая, съ крикомъ и ругательствами тащила его съ лошади. Но уже нѣсколько красныхъ халатовъ, безпощадно прокладывая себѣ дорогу плетьюми, пробивались къ остановленному парламенту; повелительные крики „оставить! прочь! не трогать!“ успокоили толпу. Нурмеда окружили и, отобравъ у него лошадь и оружіе, пѣшкомъ повели къ Гусейнъ-Беку по кривымъ улицамъ города. Густая толпа сопровождала его вплоть до воротъ цитадели, гдѣ

помѣщался бекъ. Дорогою Нурмедъ успѣлъ замѣтить, что жители не питали дружественныхъ чувствъ къ русскимъ и дѣйтельно готовились къ энергической оборонѣ. На каждомъ перекресткѣ устраивались сильные завалы; стукъ топоровъ звонко раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Женщины и дѣти спѣшно укладывались; тяжело навьюченные ишаки, лошади и даже коровы поминутно попадались ему на-встрѣчу; все спѣшило въ горы, предоставляя мужчинамъ защищаться въ пустомъ городѣ. Лавки базаровъ плотно запирались досками и желѣзными болтами. Почти все жители ходили вооруженные, хотя огнестрѣльнаго оружія было очень мало замѣтно, но за-то всевозможные батиги, топоры, даже кипмени, назначенные собственно для мирныхъ работъ, все было употреблено въ дѣло, и озлобленные жители, взобравшись на плоскія крыши сакель, свирѣпо глядѣли въ даль, на бѣлѣвшіеся далеко на горизонтѣ русскія палатки. Все мечети были отперты; оттуда несло заунывное причитываніе муллъ, и въ узорныя двери, одинъ за другимъ, входили суровые мусульмане, оставляя у входовъ свои остроконечныя туфли.

Съ такимъ страшнымъ, фанатическимъ озлобленіемъ относились жители къ бѣдному Нурмеду, и ведшимъ его сарбазамъ, что стоило не малыхъ усилій удерживать народъ отъ черезчуръ уже крупныхъ оскорбленій. Особенно женщины отличались на этомъ поприщѣ; онѣ, какъ разъяренныя кошки, кидались на конвой, пытались пробиться къ Нурмеду; приподнявъ свои покрывала, онѣ плевали ему въ лицо, швыряли кусками грязи и даже камнями, такъ что даже сарбазы выходили изъ себя и пускали въ дѣло узкіе приклады своихъ фитильныхъ мултуковъ. Наконецъ, массивные, окованные желѣзомъ, ворота цитадели, пропустивъ кого слѣдуетъ, захлопнулись передъ самымъ носомъ шумящей толпы и Нурмедъ вздохнулъ свободнѣй.

Черезъ чисто-вымощенный дворъ провели парламентаря въ отдѣльный дворикъ, гдѣ помѣщался самъ Гусейнъ-Бекъ; въ просторной, устланной коврами саклѣ сидѣлъ онъ самъ съ своими приближенными. Это былъ еще молодой человѣкъ съ блѣднымъ, растеряннымъ лицомъ; онъ, казалось, былъ взволнованъ до послѣдней степени; раскраснѣвшіеся, какъ-будто, отъ слезъ, глаза безпокойно бѣгали отъ одного лица къ другому. При входѣ Нурмеда онъ смутился еще болѣе и безцвѣтныя губы его стран-

но зашевелились; онъ даже пытался приподняться, но костлявая рука рядомъ сидѣвшаго старика съ патриархальнымъ лицомъ и сѣдою окладистою бородою, опустилась на его плечо и бѣдный Гусейнъ какъ-то съежился и, опустивъ глаза, старался избѣгать смотрѣть на спокойнаго и пристально глядѣвшаго на него посланца.

Сидѣвшіе въ саклѣ сурово встрѣтили Нурмеда; ему указали на мѣсто около самой двери и Нурмедъ, отдавъ привезенныя письма, усеялся на коврики, поджавъ подъ себя ноги, по мѣстному обычаю. Медленно, съ подобающей важностью, печати были вскрыты и письма прочитаны велухъ. По прочтеніи писемъ минутъ на пять воцарилось общее молчаніе; потомъ, по приказанію старика, Нурмеда подняли, вывели изъ сакли, связали руки за спиною бумажнымъ кушакомъ и бросили въ углу двора, представивъ къ нему караулъ изъ пяти сарбазовъ съ обнаженными кривыми саблями. Между тѣмъ по поводу писемъ началось оживленное совѣщаніе.

Недолго продолжалось это совѣщаніе. Нурмедъ слышалъ, почти до послѣдняго слова, все, что говорилось въ саклѣ. Голосъ самого Гусейна раздавался изрѣдка и то какъ-то нерѣшительно, но за то рѣзкій старческий крикъ какого-то фанатика покрывалъ собою остальную говоръ. Нурмедъ понялъ, что никакія соглашенія невозможны: русскимъ письмамъ и увѣреніямъ въ желаніи мира не довѣряли вовсе. Вызовъ Гусейнъ-бека въ Самаркандъ они считали просто хитрой уловкой, желаніемъ заманить только въ свои руки слабаго правителя. Все были убѣждены въ возможности сопротивляться силой противъ горсти русскихъ, а они успѣли уже замѣтить нашу малочисленность. Припоминались походы эмира на неприступный Ургутъ, всегда кончавшіеся неудачею для гордаго повелителя Бухары; а что-же послѣ этого могли сдѣлать русскіе? Вѣдь эмиръ приходилъ съ войсками, которые покрывали собою все окрестныя поля, сорокъ пушекъ гремѣли съ утра до ночи, пушечный дымъ закрывалъ солнце, а ничего не сдѣлано было Ургуту, ни одинъ врагъ не заходилъ въ его каменные ущелья. Русскіе-же пришли съ малымъ числомъ солдатъ и привезли съ собою всего четыре пушки, да и то маленькія. А между тѣмъ за стѣнами цитадели слышенъ былъ глухой, озлобленный говоръ собравшагося народа: жители требо-

вали битвы. Муллы въ мечетяхъ громко призывали всякія бѣды на головы невѣрныхъ и предсказывали, что Аллахъ покроетъ позоромъ русское войско и храбрые мусульмане снова будутъ торжествовать въ своемъ, любимомъ Аллахомъ и всѣми пророками, городѣ. Но вотъ послышались новые вопли, которые заставили поблѣднѣть несчастнаго Нурмеда: народъ требовалъ немедленной смерти посланника русскихъ. Дѣло могло кончиться очень плачевно для бѣднаго авантюриста и Нурмедъ увидѣлъ, что пора начать дѣйствовать, а то уже будетъ поздно.

Связанный по рукамъ, онъ съ усиленіемъ поднялся на ноги и потребовалъ, чтобы его снова ввели въ саклю, говоря, что ему нужно еще сообщить нѣчто очень важное для Гусейнъ-бека. Желаніе его было исполнено. Усѣвшись опять на своемъ прежнемъ мѣстѣ, онъ началъ заранѣе обдуманную рѣчь.

Нурмедъ началъ съ того, что онъ самъ истинный мусульманинъ, но что, вслѣдствіе несчастія и воли Аллаха, онъ попалъ въ рабство къ невѣрнымъ. Что онъ не переставалъ думать какъ настоящій правовѣрный и что онъ отъ всего сердца ненавидитъ русскихъ и искренно желаетъ, чтобы Аллахъ ниспослалъ свои громы на ихъ головы. Послѣ этого вступленія онъ продолжалъ: „Я знаю, что вы храбры и что городъ вашъ видѣлъ подъ своими стѣнами много могучихъ воителей, но, во всякомъ случаѣ, рисковать не слѣдуетъ и надо осмотрительно приготовиться къ столкновенію съ русскими, чрезвычайно искусными въ военномъ дѣлѣ. Я знаю, говорилъ онъ, — что Джюра-бекъ шехри-слабъскій уже спѣшитъ къ вамъ на помощь, но придетъ онъ не ранѣе, какъ завтра ночью, а то даже и послѣ завтра утромъ. Вамъ непременно надо выиграть время и покуда дѣятельно укрѣпляться въ улицахъ и молиться Аллаху.

„О, съ какимъ-бы удовольствіемъ, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что рѣчь его начинаетъ производить благоприятное для него дѣйствіе, — пристроился-бы я къ вамъ, но это невозможно: русскіе узнаютъ, что я остался здѣсь, подумаютъ, что меня задержали силою, и сегодня-же ночью ворвутся въ городъ и внесутъ огонь и разореніе въ мирные дома его жителей“. Тутъ онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на окружающую его публику. Всѣ лица были мрачны, но смотрѣли на него менѣе зло, чѣмъ прежде; онъ почувствовалъ даже, что кушакъ, связываю-

щій ему руки, замѣтно ослабъ и, наконецъ, свалился вовсе. Руки Нурмеда были совершенно свободны; тогда онъ продолжалъ: „Есть средство заставить русскихъ въ бездѣйствіи прождать день и даже болѣе подъ стѣнами Ургута. Очень можетъ быть даже, что они отступятъ вовсе. Вотъ это средство. Русскій начальникъ требуетъ, чтобы Гусейнъ-бекъ выѣхалъ къ нему въ лагерь; этого дѣлать не слѣдуетъ. Русскіе коварны и благороднаго бека можетъ встрѣтить тамъ какое-нибудь несчастіе; но развѣ нѣтъ кого-нибудь, который-бы взялъ на себя назваться Гусейнъ-бекомъ и ѣхать къ русскимъ? Тамъ не узнаютъ обмана и съ мнимымъ бекомъ поступятъ такъ, какъ поступили-бы съ настоящимъ, если-бы Гусейнъ самъ, довѣрившись слову русскихъ, поѣхалъ лично въ лагерь гяуровъ. Такимъ образомъ, вы увидите сами, на-сколько можно вѣрить русскимъ, и выиграете время, необходимое для того, чтобы дожидаться прибытія Джюра-бека. Между прочимъ, я самъ лично заявлю, что пріѣхавшій въ лагерь есть, дѣйствительно, Гусейнъ-бекъ, и это еще болѣе ослѣпитъ русскихъ и не дастъ имъ замѣтить подлога“.

Рѣчь эта понравилась всѣмъ, особенно довольны были предложенной выдумкою замѣнить Гусейнъ-бека. Фанатика, согласнаго на этотъ подвигъ, было найти нетрудно. Передъ Нурмедомъ поставлено было блюдо плова и накинуть ему на плечи узорный халатъ изъ полосатаго адраса. Черезъ часъ, не болѣе, все было готово къ отъѣзду въ лагерь, и когда Нурмедъ снова сѣлъ на своего аргамака и забралъ возвращенное ему оружіе, то уже совершенно стемнѣло. Небольшая группа всадниковъ, съ подложнымъ Гусейнъ-бекомъ и гарцующимъ впереди Нурмедомъ, медленно пробиралась по улицамъ сквозь густыя толпы волнующихся жителей, осторожно объѣзжая завалы и наскоро-выпрытыя ямы. Выѣхавъ изъ города, они поѣхали крупною рысью. Мнимый Гусейнъ-бекъ, который оказался старикомъ лѣтъ восьми-десяти, въ богатомъ шелковомъ халатѣ и необъятной бѣлой чалмѣ, кулькомъ тресся на высокой лошади подъ ковровой попоной. Вся публика ѣхала молча, одинъ только Нурмедъ не переставалъ говорить, давая всѣмъ совѣты, какъ надо держать себя съ русскими вообще, а въ особенности съ начальникомъ отряда. Скоро ихъ оклинули передовые посты казачьей цѣпи, но, узнавъ Нурмеда, пропустили далѣе. Я забылъ сказать, что

ургутскіе муллы не забыли привести Нурмеда къ строгой присягѣ передъ кораномъ въ томъ, что онъ не измѣнитъ имъ и не откроетъ обмана, но Нурмедъ оказался, въ этомъ случаѣ, истиннымъ сыномъ девятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, самъ Нурмедъ не говорилъ ничего о своей присягѣ и это свѣдѣніе получено уже со стороны, отъ одного изъ увѣдѣвшихъ ургутскихъ жителей.

Палатка, гдѣ происходило засѣданіе, была освѣщена двумя или тремя стеариновыми свѣчками; ночной вѣтеръ, врываясь въ отпахнувшіяся полы, поминутно колыхалъ блѣдное пламя, вслѣдствіе чего свѣтъ былъ неровный, мерцающій и трудно было подробно разсмотрѣть черты и выраженіе лицъ прибывшихъ. Ближе всѣхъ сидѣлъ псевдо-Гусейнъ; его желтое, морщинистое лицо виднѣлось только до половины изъ-подъ кисейной чалмы; старческія тонкія губы шевелились, какъ-будто пережевывая что-то, открывая по-временамъ беззубый ротъ съ блѣдными деснами. Рядомъ съ этимъ старцемъ, почти прислонившись къ нему плечомъ, сидѣлъ узбекъ съ большою, окладистою, черною, какъ смоль бородою, и съ длинными, нависшими бровями. Онъ-то и говорилъ больше всѣхъ, отвѣчая на всѣ вопросы, предложенные даже самому Гусейну. Двое остальныхъ почти не принимали участія въ разговорѣ; они безпокойно перешептывались между собою, бросая робкіе взгляды во всѣ углы палатки. Пріѣзжіе сразу показали себя очень плохими актерами. Впрочемъ, имъ дали успокоиться и ободриться; по крайней мѣрѣ, съ четверть часа имъ не давали замѣтить, что обманъ ихъ открытъ. Наконецъ, имъ объявили объ этомъ.

Засѣданіе окончилось; вся публика разошлась по палаткамъ: къ прибывшимъ приставленъ караулъ; имъ сказали, что они проведутъ эту ночь въ лагерѣ, а тамъ, на другой день, будетъ видно, какъ поступить съ тѣми, кто рѣшился на подлогъ, вмѣсто того, чтобы вести честные переговоры.

Между тѣмъ по лагерю пронесся слухъ о томъ, что въ ночь готовится сильное нападеніе на нашъ отрядъ. Съ вечера на горизонтѣ, виднѣлись большія конныя толпы, которыя обходили насъ и занимали въ тылу наши сообщенія съ Самаркандомъ. Приняты были всѣ мѣры, предписываемыя осторожностью.

Ни одной звѣздочки не было [видно на небѣ; густыя тучи

выползли снова изъ ущелій и затянули все небо; по-временамъ налетали рѣзкіе порывы вѣтра, парусили солдатскія палатки и взметали изъ-подъ ротныхъ котловъ огненные снопы разлетающихся искръ.

Въ эту ночь я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду. На моей обязанности лежала, между прочимъ, повѣрка постовъ и карауловъ. Часу въ первомъ пополудни я окончилъ объѣздъ по цѣпи и возвращался въ лагерь отъ самаго дальняго коннаго пикета, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, по ургутской дорогѣ. Я не слѣдовалъ всѣмъ изгибамъ дороги, а ѣхалъ на прямикъ, направляясь на лагерные огни. Моя лошадь шла положительно охучью; я совершенно довѣрился инстинкту коня и опустил свободно поводья уздечки. Умное животное вытянуло шею, наострило уши и осторожно подвигалось впередъ, слегка пофыркивая. Такимъ образомъ я ѣхалъ минутъ десять. Вдругъ конь мой остановился, громко всхрапнулъ и попятился назадъ; я перегнулся на сѣдлѣ и пристально сталъ вглядываться въ темноту; ясно было, что впереди находился какой-то предметъ, пугающій моего Орлика; это не могло быть что-нибудь обыкновенное—кустъ, арыкъ, какой-нибудь выдавшійся камень или что-нибудь подобное; я хорошо зналъ своего испытаннаго коня, и потому отстегнулъ пуговку револьвернаго кобура и освободилъ оружіе. Сколько я ни всматривался въ темноту, я рѣшительно не могъ ничего замѣтить. Впереди, шагахъ въ трехъ, виднѣлось какъ-будто-бы нѣсколько кустовъ, я даже слышалъ шелестъ вѣтокъ, шевелившихся отъ вѣтра; больше я ничего не видѣлъ подозрительнаго; я тронулъ легонько коня, который слегка вздрогнулъ отъ прикосновенія шпоръ и тронулся впередъ, но замѣтно нерѣшительно, и вдругъ, круто повернувъ на заднихъ ногахъ, стремительно скакнулъ раза два, такъ-что я едва усадѣлъ въ сѣдлѣ. Въ эту минуту я услышалъ хриплый голосъ, который что-то прочиталъ непонятное, мнѣ даже показалось, что-то похожее на плачь, по крайней мѣрѣ, мнѣ ясно послышалось судорожное всхлипываніе. Я громко окликнулъ. Едва только раздался мой голосъ, какъ невидимое существо пронзительно вскрикнуло и бросилось бѣжать отъ меня, что слышно было по шуму удаляющихся шаговъ. Въ этомъ отчаянномъ крикѣ я узналъ женскій голосъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться—пронзительная, раздирающая душу, полная

смертельного испуга нота еще дрожала въ воздухѣ. Я не ки-нулся преслѣдовать это странное существо; это ни къ чему-бы не повело, да и было положительно невозможно: въ этой темно-тѣ, на мѣстности изрытой и заросшей, я десять разъ могъ-бы сломать себѣ шею прежде, чѣмъ поймалъ-бы эту странную незна-комку. Я тронулся дальше, все направляясь на огни, и черезъ четверть часа былъ уже около своей палатки. Отдавъ коня вѣ-стовому, я завернулся въ шинель и легъ на коврѣ, рассчитывая соснуть часъ до новаго объѣзда по цѣпи.

Не успѣлъ я хорошеенько задремать, какъ меня разбудилъ гру-бый солдатскій голосъ: „Ваше благородіе! Ваше благородіе!“ Я открылъ глаза. Передо мною стоялъ солдатъ въ амуниціи, съ ружьемъ и въ накинутой на плечи шинели; онъ приближалъ изъ цѣпи.

— Что случилось? спросилъ я его.

— Тамъ въ цѣпи „притча“, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, указывая рукою по направленію лѣваго угла лагеря.

— Какая притча? что за вздоръ!

— Не можемъ знать, ваше благородіе! Такъ прямо на часо-выхъ и лѣзетъ; пробовали отогнать—кусается, окаянная; кто ее знаетъ, что такое.

Я вскочилъ и пошелъ вслѣдъ за солдатомъ, который побѣ-жалъ впереди, указывая дорогу.

Тамъ, на дальнемъ концѣ лагеря, пылалъ яркій огонь; сол-даты жгли сухую, прошлогоднюю колючку; пламя взвивалось вы-сокимъ столбомъ, освѣщая вокругъ довольно значительное про-странство. Группа солдатъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, стояла вокругъ чего-то, привлекающаго общее любопытство. Когда я подошелъ, солдаты разступились и я увидѣлъ странное существо.

Это была женщина, еще не старая, высокаго роста и чрезвы-чайно худощавая. На головѣ у нея ничего не было; черные съ просѣдью волосы длинными прядями падали въ беспорядкѣ; она поминутно поправляла ихъ длинными, костлявыми пальцами. Боль-шіе, круглые глаза смотрѣли на огонь совершенно бессмысленно; красный ротъ, съ бѣлыми ровными зубами, былъ искривленъ улыбкой, но улыбкой безобразной, безъ всякаго выраженія: такъ улыбаются идіоты. Женщина сидѣла на корточкахъ около огня

и дрожала какъ въ лихорадкѣ. Остатки полосатаго халата едва держались на ея плечахъ; обѣ груди были обнажены совершенно. Она то напѣвала себѣ подъ носъ что-то монотонное, то плака-ла, то смѣялась. Она была стумаспешная, въ этомъ нельзя бы-ло сомнѣваться. Вдругъ она пристально взглянула на одного изъ солдатъ и, какъ кошка, прыгнула къ нему, вытянувъ руки; испуганный солдатъ отскочилъ и выронилъ при этомъ изъ рукъ кусокъ хлѣба. Безумная вцѣпилась въ этотъ кусокъ и съ какою-то неестественною жадностью принялась его грызть и глотать, почти не прожевывая куски. Она была голодна: она, вѣрно, нѣ-сколько дней ничего не ѣла. Я тотчасъ-же послалъ на кухню за кашею, а самъ началъ допрашивать ее, съ помощью солдата-пе-реводчика. Впрочемъ, всѣ мои попытки остались безплодны—я не узналъ ровно ничего. Безумная, видимо, ничего не понимала, и я прекратилъ разспросы. Солдаты толковали между собою и, какъ казалось, недружелюбно относились къ этому визиту.

— Прикидывается, вѣдьма, говорили они. — Знамо, прикиды-вается. Подослали, чай! Таперича ее до утра никакъ нельзя вы-пускать изъ лагеря.—Чего выпускать, пришибить, да и все тутъ! —Ишь ты, пришибить! а ну-ко-сь, поди пришиби; чай тоже че-ловѣкъ.

Я видѣлъ, что эту женщину нельзя оставить на попеченіе такого караула, и велѣлъ отвести ее на главную гаунтвахту; тамъ ее накормили и оставили до утра. Съ разсвѣтомъ ее вывели изъ лагеря. Она медленно побрела къ горамъ, ковыляя по высокому бурьяну.

Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода, отрядъ нашъ уже былъ на ногахъ. Пѣхотинцы оставили на повозкахъ шинели и сухарные мѣшки и въ однихъ рубашкахъ выстраивались передъ лагеремъ. Палатки были сняты; обозъ запрягалъ лошадей и вы-тягивался на дорогу. Рѣшено было сдѣлать еще одну, послѣд-нюю попытку уладить мирно съ Гусейнъ-бекомъ, а за тѣмъ, если не удастся, штурмовать Ургутъ сегодня-же.

Вывели изъ палатки мнимаго Гусейнъ-бека съ товарищами; они провели мучительную ночь въ ожиданіи на утро достойнаго воз-даянія: они были увѣрены, что имъ утромъ отрѣжутъ головы. Когда имъ привели ихъ лошадей и велѣли ѣхать въ Ургутъ, они не хотѣли вѣрить и думали, что надъ ними смѣются. Пол-

ковникъ А—въ приказалъ имъ передать Гусейнъ-беку, что если онъ не выйдетъ переговорить лично съ начальникомъ русскаго отряда черезъ два часа, то русскіе пойдутъ къ Ургуту. Послы медленно выѣхали изъ лагеря, но едва только они проѣхали послѣднихъ часовыхъ, какъ пригнулись къ сѣдламъ и во всю конскую прыть понеслись къ городу. Только тонкая полоса пыли стлалась по дорогѣ вслѣдъ за быстро удаляющимися всадниками.

Между тѣмъ отрядъ тронулся къ Ургуту. Солдаты, подгоняемые утреннимъ холодомъ, шли ходко, съ пѣснями; казаки орудія рысали между ротами, въ обозѣ скрипѣли и визжали немазанные колеса аробъ; аріергардная рота, составивъ ружья, ждала, когда послѣдняя повозка выберется на дорогу. Начальникъ отряда поѣхалъ впередъ съ казачьей сотней, съ нимъ поскакали и нѣсколько офицеровъ.

Едва мы отошли версты двѣ отъ мѣста ночлега, какъ замѣтили на всѣхъ окрестныхъ холмахъ конныя толпы. Мѣсто нашего лагеря тоже было уже занято непріателемъ и, кромѣ того, по шехри-сябзьской дорогѣ изъ ущелья подвигалось большое пыльное облако. Насъ положительно охватили со всѣхъ сторонъ и, въ случаѣ неудачи подъ Уругомъ, мы могли рассчитывать на самое непріятное отступленіе.

Передъ началомъ уругутскихъ садовъ находилась довольно значительная, но съ пологими скатами, возвышенность; она вся была покрыта конными и на самой вершинѣ пестрѣли нѣсколько яркихъ значковъ. Отдѣльные всадники джигитовали шарахъ въ трехъ-стахъ, даже менѣе, передъ нашимъ авангардомъ; иные совершенно неожиданно выскакивали изъ незамѣтныхъ, заросшихъ бурьяномъ лощинъ, почти передъ самымъ фронтомъ, гикали и стремглавъ неслись назадъ, чертя круги своими длинными пиками. Впрочемъ, ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны; это была преледія, могущая окончиться еще мирнымъ образомъ. Непріатель, видимо, давалъ намъ замѣтить свои силы, рассчитывал, что мы будемъ, вслѣдствіе этого, уступчивѣе въ своихъ требованіяхъ.

Мы все продолжали подниматься впередъ; переднія толпы непріателя отходили при нашемъ наступленіи, заднія неотступно слѣдовали за нами. Не доходя полутора версты до начала са-

довъ, мы остановились и перестроились въ боевой порядокъ: три роты стали въ первую линію, стрѣлки разсыпались въ цѣпь, а остальные роты составили резервъ и прикрытіе обоза, который сворачивался въ густую колонну, по-стольку повозокъ въ рядъ, сколько позволяла холмистая и сильно изрытая мѣстность. Орудія, не снимаясь съ передковъ, заняли мѣсто на небольшомъ холмѣ, нѣсколько впереди первой линіи. Вообще позиція была довольно удачная; уругутскіе сады были видны какъ на ладони, на зубчатой вершинѣ цитадели что-то дымилось, по садамъ пестрѣли густыя толпы пѣшаго народа.

Нашъ маневръ произвелъ оживленное движеніе въ массахъ непріателя: заволновались нестройныя толпы и глухой гулъ понесся по окрестностямъ. Значки отступили къ садамъ, и оттуда показалась небольшая, отдѣльная кавалькада, которая поскакала прямо по направленію къ георгіевскому значку начальника нашего отряда. Оказалось, что это были вчерашніе знакомцы; они ѣхали съ окончательнымъ отвѣтомъ къ полковнику А—ву.

Отъ этихъ пословъ мы узнали, что Гусейнъ ни подъ какимъ предлогомъ не выйдетъ къ русскимъ. Уругутцы явно дали намъ замѣтить, что нашимъ словамъ и обѣщаніямъ они не довѣряютъ ровне. Начальникъ отряда настаивалъ на своемъ требованіи; это оказалось совершенно бесполезнымъ. Послы говорили: „Мы видимъ, что вы хотите битвы; что-жь, пусть Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ правѣе. Впрочемъ, мы видѣли и не такихъ подъ нашими стѣнами. У насъ въ книгахъ сказано, продолжали они,—что самъ Тимур-Ленкъ приходилъ съ мечомъ и огнемъ въ наши горы, но Аллахъ не допустилъ до гибели свой любимый городъ и покрылъ стыдомъ войско Тимура. Идите лучше съ Богомъ домой и скажите своему губернатору, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ нашего бека“.

Такъ говорили послы, а конныя массы непріателя все прибывали и прибывали; казалось, всѣ окрестныя села и мѣстечки возстали и выслали своихъ вооруженныхъ жителей на помощь Ургуту. Мы предчувствовали, что намъ придется имѣть горячее дѣло. Мы не давали много значенія тѣмъ коннымъ толпамъ, которыя сновали у насъ въ тылу и на флангахъ: мы по опыту знали, что, какъ бы ни было многочисленно это скопище, оно не рѣшится всею массою нахлынуть и раздавить нашъ от-

рядикъ, а это было-бы очень нетрудно: непріятеля было, навѣрное, болѣе двадцати тысячъ, а у насъ не набиралось и семисотъ человѣкъ. Ружейный огонь всегда удержитъ въ почти-тельномъ отдаленіи джигитовъ и одной роты будетъ совершенно достаточно, чтобы прикрыть какъ нашъ обозъ, такъ и тылъ штурмующаго отряда. Но въ садахъ, гдѣ ургутцы будутъ драться на своемъ родномъ пепелищѣ, гдѣ каждая сабля, каждый садикъ, обнесенный глинянымъ заборомъ, могутъ служить прекраснымъ укрѣпленіемъ, наконецъ, въ самомъ городѣ, гдѣ жители имѣли время приготовиться къ оборонѣ и барикадировать улицы, здѣсь, мы знали, что встрѣтимъ жестокой отпоръ и много надо будетъ усилій, чтобы опрокинуть столько, повидимому, непреодолимыхъ препятствій. А между тѣмъ надо было, во что-бы то ни стало, сломить строптивый городъ; отступить безъ штурма было-бы слишкомъ рискованно: мы могли-бы много потерять въ этомъ краѣ, гдѣ мы, съ своею малочисленностью, только и держимся какимъ-то чарующимъ обаяніемъ нашей непобѣдимости.

Пославъ велѣно было ѣхать обратно и сказать, что еще часъ мы даемъ на размышленіе и что ровно черезъ часъ, если не получимъ отвѣта, откроются съ нашей стороны военныя дѣйствія.

Въ ожиданіи сигнала къ наступленію роты стояли на-сторожѣ, готовые двинуться по первому знаку. Разсыпанные въ цѣпь стрѣлки прикладывались отъ скуки, конечно, примѣрно, въ кое-какихъ, слишкомъ соблазнительно подѣзжающихъ всадниковъ; это движеніе заставило джигитовъ мигомъ поворачивать лошадей и, вплотную пригнувшись къ сѣдлу, удирать во всѣ лопатки: солдаты хохотали и острили по-своему, а знавшіе туземный языкъ посылали въ догонку разные привѣтствія, конечно, самаго не цензурнаго свойства. Особенно отличался въ этомъ одинъ молодой человѣкъ, еще безусый: онъ, приставивъ руки ко рту трубою, во все горло выкрикивалъ весь репертуаръ національной брани и отъ души заливался звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, когда его усилія увѣнчивались успѣхомъ и издалека доносился отвѣтъ такого-же грязнаго свойства.

Вообще, наши солдаты большіе любители всевозможныхъ домашнихъ животныхъ, особенно собакъ, и при ротахъ обыкновенно бродятъ цѣлыя прикормленные стаи. Въ курсъ дрессировки,

главнымъ образомъ, входитъ бросаться на сартовъ, и надо видѣть, съ какимъ остервененіемъ нападаютъ ротные псы на всякую личность, показавшуюся въ долгополомъ туземномъ костюмѣ. Въ настоящее время болѣе сотни всевозможныхъ Воляковъ, Бѣлокъ, Арапчиковъ и Куцовъ, носились передъ цѣпью, храбро налетали на ближайшихъ джигитовъ и, свирѣпо прыгая, хватали за хвосты лошадей и за полы халатовъ, ловко увертываясь отъ сабельныхъ ударовъ. Наши боевые псы, — я смѣло дам эпитетъ боевые, — съ успѣхомъ разыгрывали роль фланкеровъ и потѣшали солдатъ, служа безконечною темою остротъ и веселой, оживленной болтовни.

— Таперича, братцы, говорили они послѣ дѣла, — надо Куцаго и Валетку тоже наградить.

И солдаты съ любовью поглаживали по мокрымъ, мохнатымъ мордамъ прибѣжавшихъ и виляющихъ хвостами псовъ. А между тѣмъ данный на размышленіе часъ приходилъ къ концу. Орудія снялись съ передковъ и канониры прилаживались уже къ прицѣлу, поглядывая, ловко-ли придется. По линіи пронеслась команда: „становись!“. Шутки и смѣхъ замолкли разомъ; солдаты сняли шапки и перекрестились.

Вдругъ изъ-за пригорка, который находился не болѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ отъ крайней роты, показались бѣлые дымки, нѣсколько пуль съ визгомъ пронеслись надъ колоннами и въ ту-же минуту отчетливо послышались команды: „Картечь, первая!“. Въ самую середину большой конной толпы, разсѣкая воздухъ, со свистомъ и шуршаніемъ, врѣзалась картечь и запрыгала, рекошетировавъ по каменистой почвѣ; другой выстрѣлъ направленъ былъ туда-же. Застонала окрестность отъ конскаго топота и заунывнаго гиканья; въ облакахъ бѣловатой пыли неслись тысячи всадниковъ, очищая намъ путь передъ фронтомъ и охватывая наши фланги; загнулись концы стрѣлковой цѣпи, крайнія роты выслали по полувзводу въ цѣпь и на флангахъ мигомъ зарокотала оживленная перестрѣлка. Размахивая въ воздухѣ саблями и стрѣляя на вѣтеръ, конечно, изъ своихъ фитильныхъ мултуковъ, ургутцы, какъ черти, носились вокругъ нашего отряда съ громкими криками: „Урь! урь!“ *).

*) Вей! бей!

«Дѣло», № 5.

представить себѣ что-нибудь болѣе непріятное и заунывное, чѣмъ воинственные вопли азіатовъ; каждый не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а старается взять фистулой какъ только можно высокую ноту, поэтому общій кликъ кажется какимъ-то стономъ и плачемъ, въ которомъ слышатся порою отдѣльныя пронзительныя взвизгиванья.

То тамъ, то сямъ барахтались на землѣ сброшенные всадники; уже много коней, съ растрепавшимися, сбитыми подъ брюхо сѣдлами, скакали, путаясь въ порванной сбруѣ. Разстояніе между нами и непріателемъ становилось все болѣе и болѣе: картечь и ружейный огонь охладилъ нѣсколько воинственный жаръ и ургутцы съ своими союзниками обратились къ обыкновенной своей тактикѣ: держаться подальше отъ проклятыхъ бѣлыхъ рубашекъ (акъ-кульмакъ *)), такъ чтобы выстрѣлы наши не достигали до правобѣрныхъ, и издали дожидаться, когда Аллахъ напуститъ страхъ и ужасъ на гиуровъ и обратитъ въ бѣгство безпокойныхъ пришельцевъ. Вотъ тогда-бы они показали себя. Сиди на незнающихъ устали коняхъ, съ своимъ неукротимымъ звѣрствомъ и опьяняющей страстью къ рѣзнѣ, они составляли превосходное войско для преслѣдованія разбитаго непріятеля; можно смѣло ручаться, что очень немногіе изъ бѣглецовъ спаслись-бы отъ смерти, да и то развѣ какимъ-нибудь чудомъ. Глядя на эти безчисленныя толпы, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что плохо пришлось-бы намъ, если-бъ хоть разъ мы потерпѣли крупную неудачу, такую неудачу, которую можно было-бы назвать пораженіемъ.

Какъ скоро картечь очистила намъ дорогу къ Ургуту, мы тронулись впередъ. Мы шли тремя колоннами, направляясь на ближайшіе сады. По дорогѣ намъ попадались раненые и убитые люди и лошади; тѣ, кто только не былъ раненъ смертельно, старались спрятаться отъ насъ при нашемъ приближеніи; иные ползли по высокой травѣ, оставляя широкіе кровавые слѣды; иные, стиснувъ зубы и подавивъ въ себѣ мучительный стонъ, прикидывались мертвыми; сарты боллись, чтобы мы не начали, по дорогѣ, пришибать тѣхъ, кто еще живъ и шевелится; впрочемъ, они имѣли основаніе бояться этого. Конечно, этого не могло случиться

*) Такъ называютъ они нашихъ солдатъ за ихъ обыкновенный костюмъ.

въ данную минуту: люди шли въ строю, въ полномъ порядкѣ, офицеры были на своихъ мѣстахъ и подобнаго звѣрства не могло быть допущено, но въ минуту разгара штурма, когда немислимъ никакой надзоръ надъ отдѣльными дѣйствіями каждого солдата, это можетъ случиться. Сколько разъ случилось, что послѣ какого-нибудь кроваваго эпизода не было ни плѣнныхъ, ни раненыхъ, были только убитые. Попадались и кони, у которыхъ картечь вырвала чуть не всѣ внутренности; несчастныя животныя пытались приподняться, но, обезсиленные, съ тяжелымъ храпомъ снова падали на землю. А наши роты все шли и шли. Вотъ уже перебрались черезъ кремнистую рѣчку, уже близко сѣрыя стѣнки, за которыми безпокойно забѣгали сотни нестрыхъ головъ. Орудія взяли на передки и шли за нами; иногда они снимались и пускали въ сады гранаты черезъ наши головы, подготавливая намъ штыковое дѣло. Немного не доходя садовъ, пущено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ; пыль отъ глиняныхъ стѣнокъ, взбитая картечью, смѣшалась съ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ страшнымъ крикомъ отхлынули нестройныя массы и, неловко прыгая, въ своихъ тяжелыхъ халатахъ, черезъ стѣнки, очищали переднюю линію ограды. Вотъ въ эту-то минуту наши крикнули „ура!“ и бѣгомъ бросились за отступающими. Скоро все скрылось и перемѣнилось въ массахъ зелени. Отдѣльные выстрѣлы, недружные, урывчатые крики ура! вопли урь! урь! и мусульманская ругань, — все слилось въ какой-то дикій хаосъ звуковъ и только отчетливый огонь нашихъ винтовокъ да рѣзкіе, дребезжащіе звуки сигнальных рожковъ, подвигаясь все далѣе впередъ и впередъ, указывали приблизительно направленія, по которымъ шли штурмующія роты. Здѣсь уже нельзя было видѣть ничего общаго, все распалось на отдѣльные эпизоды, и только послѣ дѣла изъ разныхъ рассказовъ можно было составить себѣ подробный отчетъ о самомъ ходѣ ожесточенной схватки.

Наши стрѣлки какъ шли цѣнью, такъ и ворвались въ сады, разбившись по два и по три звена, гдѣ какъ случилось; сожмнутыя роты шли по узкимъ улицамъ, заваленнымъ барикадами изъ свѣже-нарубленнаго лѣса.

Въ тѣсномъ проходѣ между двухъ высокихъ садовыхъ стѣнъ, въ густой тѣни отъ нависшихъ надъ самыми головами фрукто-

выхъ деревьевъ, сжалась одна изъ ротъ. Солдаты, запыхавшись, съ красными, облитыми потомъ, физиономіями, съ трудомъ пробирались по заваленной камнями и хворостомъ дорогѣ. Изъ-за стѣнъ валились камни и бревна, на деревьяхъ вспыхивали дымки выстрѣловъ; наши изрѣдка отвѣчали, сдѣла пробѣжать это опасное пространство. Вдругъ пронесся говоръ: „маіоръ убитъ, маіора ранили“. Я посигшилъ протискаться, верхомъ, севозъ толпу къ мѣсту, гдѣ я замѣтилъ сѣрую лошадь маіора Г—га, которая уже безъ всадника билась и фыркала въ рукахъ растерявшагося жидка-горниста. Маіоръ Г—гъ лежалъ на землѣ, растянувшись во всю длину своего богатырскаго роста; его прекрасная свѣтлорусая борода была окровавлена, по бѣлому кителю тянулись ярко-красныя полосы. Нашъ докторъ, который на своей маленькой лошаде, вооруженный простою форменною пшаженкой, всегда находился во главѣ атакующихъ ротъ, уже сидѣлъ на корточкахъ около раненаго и забинтовывалъ ему голову. Въ нѣсколько секундъ перевязка была окончена, Г—го подняли и подвели ему лошадь; съ помощью солдатъ, онъ довольно твердо сѣлъ на сѣдло и тронулся впередъ. Я подѣхалъ къ доктору П—ву, который уже садился, крехтя, на свою рыжатку, и спросилъ его: „ну что?“

— Плохо, отвѣчалъ онъ вполголоса:—у самого виска; пуля тамъ. Крѣпится покуда, горячъ больно, да и сила медвѣжья.

И П—въ, погнавъ лошадь плеткой, рысцой догналъ Г—га и поѣхалъ рядомъ, поглядывая изрѣдка на его завязанную голову.

Замышлялся на минуту рота снова бросилась впередъ. Одинъ полувзводъ, поднявшись съ помощью товарищей на стѣну, перелѣзъ въ садъ, изъ котораго больше всего беспокоили насъ обороняющіеся; за стѣнкою закинула горячая схватка. Ургутцы приняли нашихъ въ батиги; это оружіе допотопное, но тѣмъ не менѣе, могущее наносить чувствительный вредъ: оно состоитъ изъ чугуновой съ острыми шипами шипки, насаженной на длинное, гибкое древко. Одно изъ звеньевъ цѣпи, зарвавшись слишкомъ впередъ, было со всѣхъ сторонъ окружено густою толпой сартовъ. Мы видѣли эту небольшую кучку, всего въ восемь человѣкъ, прижавшуюся къ полуразвалившейся саклѣ. Стрѣлки съ трудомъ отбивались отъ разсвирѣпѣвшихъ нападающихъ; ружья были разряжены, вновь заряжать не было никакой возможности, и усталые,

измученные солдаты, собравъ послѣднія усилія, отмахивались пшками и прикладами отъ цѣлаго града батиковъ, кипменей и даже просто палокъ, которыми были вооружены ургутцы. Почти у всѣхъ уже были разбиты головы и липкая кровь текла по лицамъ и слѣпила глаза защищавшимся: трое уже лежали ничкомъ на землѣ; одного изъ солдатъ сарты успѣли оттащить баграми отъ товарищей и буквально доколачивали батиками. Но съ улицы было уже замѣчено критическое положеніе зарвавшихся: чловѣкъ двадцать солдатъ бѣжали въ разсыпную на помощь. Впереди всѣхъ, прыгая черезъ заборы и срубленные деревья, безъ шапки и размахивая руками, несся молодой офицеръ атлетическаго сложения; онъ много опередилъ бѣгущихъ солдатъ и ринулся съ разбѣга въ густую толпу сартовъ; онъ разметалъ ближайшихъ и уже почти пробился къ стрѣлкамъ, какъ вдругъ тяжелый батикъ опустился ему на голову и Б—скій, вздрогнувъ, повалился на землю. Въ эту секунду загремѣли чуть не въ упоръ направленные выстрѣлы и началась бойня. Въ нѣсколько секундъ по всѣмъ угламъ сада, подъ стѣнами въ густой травѣ, всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли изъ себя; видъ нашихъ израненныхъ стрѣлковъ доводилъ ихъ до бѣшенства.

А между тѣмъ штурмующіе прошли уже предмѣстья и ворвались въ самый городъ. Здѣсь истощилось уже мужество защитниковъ и они, бросаясь при нашемъ приближеніи за валы и баррикады, въ ужасѣ спасались изъ города. По всѣмъ плоскимъ крышамъ сакель видѣлись развѣвающіеся халаты бѣгущихъ; иные останавливались на всемъ бѣгу и, какъ пораженные молніей, падали въ растяжку: ихъ догоняли наши шестилинейныя пули. Изъ-за угла, сбивъ съ ногъ двухъ или трехъ солдатъ, внеслась перепуганная, дико храпящая лошадь; сѣдло было сбито и окровавлено; около коня, запутавшись ногою въ стремя, волочился обезображенный трупъ; голова, разбитая совершенно въ дребезги, шлепала о камни. Это былъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ важныхъ сановниковъ, судя по остаткамъ дорогого бархатнаго халата и богато вышитой попонѣ, покрывавшей бухарское сѣдло.

Дикій стонъ и отчаянные вопли носились надъ городомъ. Все бѣжало, очищая узкія улицы. На главной дорогѣ, ведущей къ городскому базару, были устроены такія баррикады, разбирать

которые пришлось-бы слишком долго; но вдоль улицъ съ шумомъ, прыгая по камнямъ, катился горный ручей и барикадированы были только берега его; солдаты спускались въ воду и брели по поясу, сгибались подъ мостами. Такимъ образомъ, выбрались на улицы, ведущія къ цитадели Ургута.

Даже въ цитадели объятые паническимъ страхомъ ургутцы не хотѣли защищаться. Ворота были отперты; ихъ хотѣли-было затворить бѣжавшіе, но, вѣроятно, второпяхъ не сумѣли сдѣлать этого: одна половинка воротъ, сколоченная изъ массивныхъ бревенъ, тяжело окованная желѣзомъ, сорвалась съ крюковъ и наискось повисла на петляхъ.

Цитадельные дворы были вымощены плитами, сложенными изъ камня стѣны сакель красиво украшены пестрою мозаикой и разрисованы яркими красками. Въ угольномъ дворикѣ раскинулся роскошный виноградникъ, поднятый на подставкахъ, въ тѣни котораго помѣщался бѣлый мраморный бассейнъ, въ видѣ колодца, аршина въ три глубиною, наполненный до краевъ превосходной, прозрачной, какъ стекло, водою. У стѣнъ подъ навѣсами были расположены кухни, вѣроятно, самого бека: громадныя мѣдные котлы, вмазанные въ глиняные очаги, стояли рядами; нѣкоторые были до половины наполнены остатками шурпы и плова *). Всюду видны были слѣды самаго послѣдшаго бѣгства.

На крышѣ самой высокой, господствующей надъ всемъ городомъ сакли, поставили ротные значки; всѣ наличные горнисты и барабанщики расположились тамъ-же и грянули сборъ, чтобы собрать разсыпанныхъ по городу солдатъ. Въ главной саклѣ разостлали нѣсколько, здѣсь-же добытыхъ, ковровъ и на нихъ положили раненаго Г—га, который все время былъ въ головѣ отряда и однимъ изъ первыхъ добрался до цитадели. Онъ былъ очень истощенъ потерей крови и жаловался на шумъ въ головѣ и на боль, увеличивающуюся еще отъ невыносимой трескотни барабановъ и визга сигнальныхъ трубъ. П—въ сдѣлалъ еще разъ болѣе акуратную перевязку и большой нѣсколько успокоился. Начали понемногу сносить раненыхъ нашихъ солдатъ; почти всѣ рабы были нанесены холоднымъ оружіемъ, но раны, нанесен-

*) Национальные блюда азіятцевъ.

ныя кипмями, были положительно ужасны; я видѣлъ одного, получившаго ударъ кипменемъ по лопаткѣ: кость была совершенно расколота на-двое и желѣзо прошло насквозь, раздробивъ даже противоположныя ребра. Этотъ раненный умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Я забрался на крышу. Отсюда ясно былъ видѣнъ весь Ургутъ: можно было видѣть изгибы всѣхъ улицъ города. Всѣ окрестныя возвышенности были покрыты толпами бѣжавшихъ жителей. Большія стада угонялись въ ущелья. Нашъ обозъ втягивался въ сады и издалека бѣлѣлись рубашки арьергардной роты.

Мнѣ приказано было поѣхать на-встрѣчу къ начальнику отряда, который долженъ былъ находиться въ настоящую минуту, съ орудіями и резервомъ, при въѣздѣ въ городъ. Я отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ. При выѣздѣ изъ цитадельныхъ воротъ я увидѣлъ страшную картину: цѣлая куча тѣлъ, наваленныхъ одно на другое, загородила почти весь проѣздъ; нѣкоторые были еще живы и страшно корчились въ предсмертной агоніи; ватные халаты дымились и тлѣли: видно было, что выстрѣлы по нимъ сдѣланы были почти въ упоръ. Группа солдатъ, составивъ ружья, стояла тутъ-же, дѣлая при этомъ кое-какія замѣчанія; два офицера крутили папирсы и говорили что-то о разницѣ между бухарскими и хивинскими коврами. Я не видѣлъ этихъ тѣлъ прежде; сколько я помнилъ, въ самой цитадели мы не встрѣтили ни одной души. Я поинтересовался узнать, откуда взяли эти убитые, и мнѣ рассказали слѣдующее:

Подъ воротами, въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, находилась маленькая дверь, ведущая въ темное помѣщеніе. Когда нашъ караулъ занималъ посты въ цитадели, между прочимъ и въ воротахъ, то на эту дверь не было обращено никакого вниманія. Уже разставлены были часовые и караулъ расположился-себѣ какъ дома; вдругъ неожиданный выстрѣлъ загремѣлъ подъ воротными сводами, густой дымъ повалилъ изъ незамѣченной двери и одинъ изъ караульныхъ солдатъ, раненный въ спину, вскрикнувъ, присѣлъ на ступени лѣстницы. Наши бросились къ предательской двери, но оттуда раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ; тогда солдаты, въ свою очередь, принялись стрѣлять въ темное пространство и ни одинъ выстрѣлъ, несмотря на то, что пущенъ былъ на удачу, не пропалъ даромъ. Сперва послышались бран-

ные, озлобленные крики, потомъ, все затихло. Тогда наши, вооружившись длинными баграми, которые стояли въ углу, неподалеку отъ воротъ, принялись вытаскивать осажденных и на свѣтъ стали появляться, одна за другою, растерзанныя фигуры въ красныхъ и синихъ халатахъ.

Сиди сарты спокойно въ своемъ убѣжищѣ—на нихъ никто-бы не обратилъ никакого вниманія; но уже такова азіятская натура, такъ велико фанатическое озлобленіе, что не хватило силъ, чтобы утерпѣть и не послать пули въ спину зазѣвавшагося глаура.

Я поѣхалъ далѣе. Улицы были такъ узки и такъ неровно вымощены крупнымъ камнемъ, притомъ повороты были до такой степени круты и неожиданны, что нельзя было и думать провезти въ цитадель наши орудія. Часто попадались мнѣ наши солдаты въ изорванныхъ рубашкахъ, съ усталыми до-нельзя лицами; платье и руки у многихъ были выпачканы кровью; они спѣшили въ цитадель, направляясь на бой барабана. Скоро я выбрался къ базару. Здѣсь улицы пошли шире, кое-гдѣ были перекинуты плетеные навѣсы. Базаръ расходился на нѣсколько вѣтвей, которыя послѣ сходились снова въ одну улицу. Въ одной изъ этихъ вѣтвей остановились наши орудія; они положительно не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ; за ними стѣснились повозки обоза. Трудно описать, что происходило на базарѣ въ эту минуту.

Еще подѣзжая, я издали слышалъ крики, хохотъ, стукъ топоровъ и трескъ ломающихся дверей. Въ наказаніе за упорство жителей, базары велѣно было разорить до тла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на мѣстномъ туркестанскомъ нарѣчій называется „баранта“. Надо хоть разъ видѣть это, чтобы составить себѣ понятіе, что это такое. Это не просто грабежъ, корысть не играетъ здѣсь вовсе перво-степенной роли; нѣтъ, это какой-то дикій разгулъ: все наше, а что не наше, такъ и ни чье! Попалось фарфоровое китайское блюдо—объ полъ его. „Нѣшто его потащишь съ собою“, говорить расходившійся солдатъ, глядя, какъ звенять и прыгаютъ по камнямъ раскрашенные черепки. Здѣсь нашли чанъ съ кунжутнымъ масломъ, туда лѣзутъ съ ногами, чтобы нѣсколько размякли заскорузлые отъ солнца и пыли сапоги. Тамъ высыпана

на улицу цѣлая груда ярко-желтыхъ и серебристо-бѣлыхъ коконовъ. Тутъ разбита лавка съ красными товарами: солдаты, цѣлыми тюками, расхватываютъ пестрые ситцы и полосатые адрасы; размотавшіеся, неловко захваченные куски волочатся по грязной улицѣ. Въ сторонѣ два солдатики сворачиваютъ громадные узлы, съ усиліемъ стягивая концы ватнаго одѣлала: они намѣрены тащить это въ лагерь, и дотащутъ, если какой-нибудь встрѣтившійся офицеръ не прикажетъ бросить всю эту дрянь. Вы думаете, что они съ сожалѣніемъ исполнять это приказаніе, выражать при этомъ неудовольствіе или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничуть. Они тотчасъ-же послушаются и еще разшвыряютъ ногой узелъ, который они тащили версты полторы съ такимъ громаднымъ трудомъ. Все равно, они продали-бы его за полтинникъ, много развѣ—за рубль. Я видѣлъ одного молодого солдата, который больше всѣхъ шумѣлъ, неистовствуя по разгромленному базару: тутъ онъ роется въ кучахъ сѣдѣльной сбруи, тамъ перебираетъ мѣдную посуду въ чайной лавочкѣ, черезъ минуту разглядываетъ на свѣтъ готовый халатъ изъ яркой матеріи, но когда я, уже въ лагерь, спросилъ его, что-же онъ притащилъ хорошаго, то онъ съ улыбкой показалъ на свои карманы, набитые кишмишемъ и урюкомъ.

Впрочемъ, есть солдаты, особенно изъ евреевъ, которые барантуютъ, руководимые чисто-меркантильными соображеніями; тѣ не довольствуются тѣмъ, что приносятъ сами, но еще за безцѣнокъ скупаютъ баранту у другихъ солдатъ и частенько составляютъ себѣ очень хорошія деньги. Подобные примѣры случаются въ этомъ краю, и почти всѣ быстро разбогатѣвшіе безсрочные солдаты обязаны своимъ богатствомъ барантѣ.

Скоро я отыскалъ полковника А—ва; онъ находился у повозокъ съ ранеными. Здѣсь-же я увидѣлъ и Б—го съ перевязанной головой: рана его оказалась неопасной, хотя и лишила его чувствъ въ первыя минуты. Я сообщилъ полковнику, что цитадель уже занята и что улицы такъ узки, что будетъ совершенно невозможно провезти туда орудія. Принимая это обстоятельство въ соображеніе и, кромѣ того, не имѣя возможности помѣстить въ цитадели весь отрядъ, такъ-какъ тамъ едва находилось мѣсто для одной роты, рѣшено было къ ночи выбраться изъ города, потому что иначе пришлось-бы ночевать въ улицахъ,

растянувшись по безконечнымъ ихъ изгибамъ, а это могло-бы имѣть очень вредныя послѣдствія, такъ-какъ надзоръ за людьми, при такомъ положеніи отряда, былъ-бы въ высшей степени затруднителенъ, да и въ случаѣ ночного нападенія на нашей сторонѣ были-бы однѣ только невыгоды. Занять-же аванпостами крайнюю черту города было немыслимо при нашей малочисленности: мы едва могли-бы оцѣпить десятую часть городскихъ окраинъ, и то израсходовать на посты всю пѣхоту.

Повозки, по одной, съ большимъ трудомъ выпрягая лошадей, начали поворачиваться и выходить изъ города, орудія сдѣлали то-же. Посланы были всюду приказанія очищать городскія улицы.

Мѣсто для лагеря выбрано было не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ начала садовъ, на ярко-зеленой, пологой возвышенности, съ которой мы начали, нѣсколько часовъ тому назадъ, свою атаку. Тутъ-же, не вдалекѣ, протекалъ ручей, на которомъ были на-скоро набросаны живые мостики. Влѣво, къ самой горѣ, подходили роскошныя поля, засѣяныя пшеницею. Вблизи ни одной рывины, ни одного куста, ничего, могущаго скрыть подпалывающихъ лазутчиковъ или кого-нибудь въ этомъ родѣ; короче, мѣсто было превосходное.

Вся дорога отъ города къ лагерю была занята еле-двигающимися, тяжело нагруженными солдатами. Гнали ишаковъ, которые были до такой степени навьючены, что не видно было ни ногъ, ни головы, двигалась какая-то безобразная куча. Забытые жителями коровы и телята, задравъ хвосты, съ ревомъ скакали, подгоняемые ружейными прикладами.

При всѣхъ отрядахъ, какъ-бы они ни были малы, непременно находится два или три маркитанта, преимущественно изъ казанскихъ татаръ; очень и очень часто эти господа бываютъ агентами довольно значительныхъ купцовъ въ Туркестанскомъ краѣ. У нихъ можно найти бутылку фабрикованнаго хереса или марсалы, еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но, главнымъ образомъ, цѣлью маркитантовъ служить баранта. Въ разгаръ, изъ первыхъ рукъ маркитанты за чарку спирта приобрѣтаютъ цѣлые вороха разныхъ вещей, которыя и продаютъ послѣ съ барышемъ, о которомъ никакіе въ мірѣ торговые дома не имѣютъ даже понятія.

Арбы хитрыхъ татаръ нагружаются до такой степени, что трещать карагачевыя оси и гнутся высокія колеса.

Кромѣ того, за хвостомъ отрядовъ тянутся, иногда на лошадахъ и ишакахъ, а иногда и просто пѣшкомъ, оборванные байгуши-туземцы; у каждого изъ нихъ непременно найдется нѣсколько серебряной мелочи. Эти, какъ шакалы послѣ тигровъ, скупаютъ то, что оставлено маркитантами безъ вниманія. Они рискуютъ иногда и сами барантовать въ сахлахъ, но за это часто слишкомъ дорого платится, потому что солдаты, не стѣсняясь, убиваютъ эту сволочь, принимая ихъ за сартовъ съ непріятельской стороны; не помогаютъ даже и бѣлыя повязки на рукахъ, которыя эти шакалы навязываютъ себѣ, въ подражаніе джити-тамъ-милиціонерамъ.

Не успѣло еще стемнѣть, какъ уже послѣдніе солдаты выбрались изъ Ургута и пришли въ лагерь. Послали ротныя повозки за дровами; ближайшія сакли были разобраны и привезены цѣлые воза лѣсу. Сдѣлана была тщательная перекличка, всѣ раненные перевязаны, убитые похоронены тутъ-же въ лагерѣ. Это дѣлалось, обыкновенно, такимъ образомъ: срѣзаютъ осторожно дернъ, потомъ вырываютъ яму и землю относятъ какъ можно подальше, чтобы свѣже-вырытая земля не выдавала мѣста, гдѣ зарыто тѣло; затѣмъ кладутъ трупъ, засыпаютъ его и тщательно закрываютъ дерномъ. Это все дѣлается такъ искусно, что рѣшительно невозможно узнать мѣсто самой могилы, и предосторожность эта далеко не лишняя. Сколько разъ случалось, что сарты разрывали неакуратно скрытыя тѣла и отрѣзывали головы, которыя отвозились въ Бухару, за что получались халаты и другіе знаки монаршей милости эмира.

Когда совершенно стемнѣло, въ лагерѣ вспыхнула великолѣпная иллюминація. Почти каждый солдатъ принесъ съ собою съ базара связки салыхъ свѣчей. Эти свѣчи, разставленныя тѣсными рядами по линіямъ лагеря, огненными линіями ополесывали мѣсто стоянки. Это была волшебная картина. А за погруженнымъ въ глубокую темноту Ургутомъ, сквозь тучи, закрывшія собою горныя цѣпи, мелькали, на недосыгаемой высотѣ, блѣдныя огненные точки: это были ночные костры бѣжавшихъ ургутцевъ. Съ какимъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли они на нашу бле-

стоящую иллюминацію. Сколько проклятій сыпалось на наши головы. Сколько семействъ не досчитывались своихъ членовъ!

По извѣстіямъ, полученнымъ послѣ, въ Ургутѣ собрано было до семи-сотъ тѣлъ—ужасная цифра сравнительно съ числомъ нашихъ солдатъ, участвовавшихъ въ штурмѣ. Самъ Гусейнъ однимъ изъ первыхъ бѣжалъ въ горы, чуть не при самомъ началѣ штурма.

Цѣль экспедиціи была отчасти достигнута: непобѣдимый Ургутъ былъ взятъ и разоренъ горстью русскихъ. Это имѣло громадное значеніе въ моральномъ отношеніи.

На другой день мы снялись съ лагеря и отошли къ Самарканду, и только къ вечеру этого дня стали поемногу возвращаться ургутцы на свое пепелище.

Н. Каравинъ.

ВЪ ОЖИДАНИИ ЗЕМНЫХЪ БЛАГЪ.

РОМАНЪ

ГРЕНВИЛЯ МОРРЕЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

II.

Великосвѣтская свадьба.

Маджи, какъ мы знаемъ, была помѣщена въ арестантскую палату одной изъ лондонскихъ больницъ. Въ то время, какъ доктора и сидѣлки приводятъ ее въ чувство, чтобъ дать ей возможность явиться въ судъ для отвѣта по обвиненію въ кражѣ десяти фунтовъ, у м-ра Джидль Доббина,—возвратимся къ главной причинѣ неожиданнаго ареста Маджи—къ неизвѣстному молодому человѣку, явившемуся восемнадцать лѣтъ тому назадъ въ Векфильдъ-на-болотѣ и исчезнувшему, какъ падающая звѣзда.

Въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ (иногда случаются такія совпаденія), когда Маджи вѣнчалась съ Томасомъ Брауномъ въ Векфильдъ-на-болотѣ, въ Лондонѣ происходила иного рода свадьба. Сэръ Одо-Плантагенетъ-Клансгольдъ-Кингсджиръ-Ревель-Вальдвиль, кавалеръ ордена Подвязки, герцогъ Куртопъ и Ревель, въ книгѣ перовъ Соединеннаго Королевства, маркизъ Ольдмитъ, графъ Альсвонъ и баронъ Партизанъ, въ книгѣ перовъ Англіи, графъ и виконтъ Кингсландъ, въ книгѣ перовъ Ирландіи, графъ Вингидъ, въ книгѣ перовъ Шотландіи,

№ 38

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1872.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 18 сентября 1872 года.

Годъ III.

ЗА ГОДЪ.		ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.		Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ „	5 „ — „		Съ доставкою въ „	3 „ — „
Безъ доставки въ Москвѣ	4 „ 50 „		Безъ доставки въ Москвѣ	2 „ 25 „
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 „ — „		Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 „ — „

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особые приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ на углу В. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

VI.

Быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, словно ему нельзя было терять ни одной минуты, шелъ Готтгольдъ по лѣсу. Но это злыя, мучительно-печальныя мысли гнали его такимъ образомъ и такъ же упорно преслѣдовали его какъ и рой комаровъ, который вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсъ — и то подымаясь, то опускаясь, то отставая, то опережая, кружился вокругъ его головы.

— И слышать это вездѣ и отъ всѣхъ, бормоталъ онъ, — словно я долженъ отвѣчать за это, словно меня упрекаютъ въ томъ, что она несчастлива! Но кто же счастливъ? Развѣ непогрѣшимые люди, которые могутъ прочесть наизусть сначала до конца, и наоборотъ, съ конца до начала свою нравственную таблицу умноженія, какъ этотъ Вольнофъ, мудрый и самодовольный фарисей, или какъ этотъ добрый Юхенъ, которому пятнадцать лишнихъ годовъ его Стины ровно ничего не значатъ, лишь бы было ему гарантировано приличное содержаніе?

— Но и я — счастливъ ли я? счастливъ ли тысячи другихъ, виноватыхъ развѣ только въ томъ, что они люди съ сердцемъ, которое чувствуетъ и сочувствуетъ, страдаетъ и сострадаетъ. Будь проклято сочувствіе и состраданіе! Они дѣлаютъ насъ тѣми жалкими существами, какими мы бываемъ. Что шумите вы, величавые буки осыпающіе цѣлыя столѣтія, въ осеннее время, лѣсную почву

сухими листьями, для того чтобъ явиться весною во всемъ блескѣ молодой зелени? что журчишь ты, маленькій ручеекъ, — ты, который такъ же неутомимо несешь теперь свою коричнево-свѣтлую воду въ море, какъ и тогда, когда я, веселый мальчикъ, игралъ на твоёмъ берегу, и перескочить на другой берегъ казалось мнѣ дѣломъ достойнымъ героя? Ахъ! въ этомъ журчаніи я слышу ту же самую пѣсню, которую пѣла вчера ласточка, пѣсню о вѣчной юности природы, всегда одинаково-полной силъ, всегда одинаково прелестной, — и о преходящности, хилости человѣка который, волнуясь страхомъ и надеждою, влачить жалкое никогда не удовлетворяющее его существованіе, и все таки всего счастливѣе въ то время пока его сердце еще можетъ бояться и надѣяться, — это сердце, которое, опустѣвъ однажды, никогда уже не наполняется, а если и наполняется и поднимается, то наполняется и презрѣніемъ, поднимается и отъ негодованія, что могло быть такъ глупо, чтобы трепетать до такой степени отъ страха и надежды. Ну, я уже не надѣюсь; поэтому-то мнѣ уже нечего бояться, даже и того взгляда, который ожидаетъ меня тамъ.

Отъ болѣе широкой, совершенно запущенной дороги, слѣдовавшей до сихъ поръ теченію лѣснаго ручья и точно такъ же, какъ и онъ, повернувшей направо черезъ лѣсъ къ морю, отдѣлялась на лѣво тропинка, которая вела въ гору, сначала между могучими, огромными стволами, но

Аттакa собакъ подь Ургутомъ. Рис. Н. Карзинъ, грав. И. Матюшинъ.

особенности фамилии Венгофъ. Ахъ, онъ не могъ—если только онъ былъ добрымъ духомъ—воспрепятствовать паденію этого дома и тому, что уже сынъ Адольфа и Ульрики, въ которомъ было много далицкихъ свойствъ, долженъ былъ продать въ концѣ прошлаго столѣтія Долланъ монастырю св. Юргена и еще считалъ за счастье, что оставался арендаторомъ тамъ, гдѣ былъ до сихъ поръ господиномъ; кузень Бослафъ не могъ помѣшать этому, а также и ничему тому, что случалось съ тѣхъ поръ вплоть до сегодняшняго дня!

— Скажите пожалуйста! сказалъ про себя Готтгольдъ,—какъ можно однакоже отуманить себѣ здоровый мозгъ шумомъ лѣса, журчаніемъ источника и старыми исторіями! это, должно быть, змѣя околдовала меня своими холодными сверкающими глазами — и эти чары еще длятся. Ну, ея царство кончилось. Тамъ между вѣтвями, блестящее море, мое возлюбленное, чудное море. Его свѣжее дыханіе прохладитъ мой горячій лобъ. А онъ, этотъ старикъ, который живетъ тамъ,—который понималъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ суровое слово «отреченіе»,—который отказался отъ власти, богатства и благосклонности женщинъ, чтобы не погубить самого себя, чтобы остаться самимъ собою,—все же таки онъ былъ лучшимъ и мудрейшимъ человекомъ.

Продолжая по прежнему идти вдоль ручья, который, теперь, помѣръ приближенія къ своему устью, нетерпѣливѣе и отважнѣе прежняго бѣжалъ внизъ, образуя, мѣстами небольшіе каскады, съ плескомъ и журчаніемъ низвергавшіеся съ поросшаго гигантскими кустами паспортовниковъ и роскошнѣйшею травой ущелья,—Готтгольдъ достигъ черезъ нѣсколько минутъ берега. По правую руку, почти на самой оконечности мыса, который, будучи покрытъ, какъ и весь прочій берегъ, большими и маленькими камнями, выходилъ шаговъ на двѣсти въ море,—стоялъ домъ кузена Бослафа. Съ высокаго шеста на конькѣ крыши развѣвался старый флагъ, который Готтгольдъ очень хорошо помнилъ. Онъ былъ первоначально шведскій, но, благодаря вѣтру и непогодѣ, съ теченіемъ времени, до такой степени слинялъ и потребовалъ столько заплатокъ, что власти не могли уже оскорбляться этимъ напоминаніемъ чуждаго владычества, если только вообще онѣ заботились о томъ, что дѣлаетъ Бослафъ. Но вотъ этого именно они никогда и не дѣлали, и такимъ образомъ старое знамя весело развѣвалось, шумѣло и трещало на свѣжемъ вѣтрѣ, который все усиливался, въ то время какъ Готтгольдъ стоялъ передъ низенькимъ, выстроеннымъ вчера, отчасти изъ неотесанныхъ валуновъ, строеніемъ, единственная дверь котораго была устроена съ береговой стороны. Эта дверь была заперта; въ оба маленькія окна съ желѣзными рѣшетками, направо и налево, посредствомъ которыхъ освѣщались кухня и кладовая,—онъ не могъ заглянуть, такъ какъ они были расположены выше человеческого роста, почти подъ крышею; а два другія окна побольше этихъ, на лицевой сторонѣ, обращенной къ морю,

были закрыты крѣпкими желѣзными ставнями. Кузена Бослафа очевидно не было дома.

— Конечно, сказалъ Готтгольдъ,—если по прошествіи десяти лѣтъ, вы не находите уже въ его старомъ домѣ того, кого вы оставили восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, то тутъ нечему еще удивляться.

А между тѣмъ онъ не допускалъ и мысли, чтобы старикъ умеръ. Онъ только что такъ много думалъ объ немъ; онъ такъ ясно видѣлъ его своими глазами: высокая, тонкая фигура, идущая большими, ровными шагами, такая же какою она представлялась тогда его тѣлеснымъ глазамъ. Нѣтъ, нѣтъ, этотъ старикъ изъ породы гигантовъ—онъ конечно пережилъ это непродолжительное время. А потомъ, домъ и окрестность—маленькій передній дворикъ, обнесенный циклопической стѣною, крошечный, обнесенный заборомъ изъ раковинъ садикъ—не имѣли того вида какъ будто бы они давно уже были предоставлены самимъ себѣ. Все было въ прекрасномъ состояніи и содержалось въ такой же чистотѣ какъ и при старикѣ; маленькій мостъ во внутренней бухтѣ, у котораго онъ привязывалъ свою лодку, былъ должно-быть даже недавно поправленъ, какъ Готтгольдъ могъ видѣть это по свѣжимъ, тщательно вставленнымъ кускамъ дерева. Но лодки не было; безъ сомнѣнія, кузень Бослафъ отправился въ ней куда нибудь. Конечно это было не въ его привычкахъ, но вѣдь образъ жизни старика могъ въ послѣдніе годы измѣниться.

День далеко уже подвинулся впередъ; дорога черезъ ущелье къ приморскому дому заняла больше времени, чѣмъ предполагалъ Готтгольдъ. Онъ думалъ подождать еще съ часъ кузена Бослафа, а потомъ возвратиться къ могилѣ гунновъ, писать картину вплоть до солнечнаго заката, приютиться на ночь въ кузницѣ, а завтра рано опять отыскивать стараго друга и конечно съ большимъ успѣхомъ. Потомъ онъ могъ пробыть до полудня въ городѣ—и пропившись съ Вольнофами, безъ отлагательства ѣхать съ Юхеномъ дальше. Онъ располагалъ вчера окончить картину въ городѣ, но завтра вечеромъ, какъ рассказывалъ Юхенъ, они возвратятся изъ Плюгенъгофа опять черезъ это мѣсто, и онъ не хотѣлъ вызывать во второй разъ случая, который сохранилъ его сегодня утромъ отъ встрѣчи съ Карломъ Брандовомъ.

Молодой человекъ расположился на береговомъ возвышеніи въ тѣни буковъ, которые шли здѣсь вплоть до крутаго обрыва. Привыкнувъ, еще со времени своихъ первыхъ артистическихъ поѣздокъ, довольствоваться полдня, а иногда и цѣлый день, кускомъ хлѣба да глоткомъ изъ своей походной фляжки, онъ не ощущалъ и теперь голода, но чувствовалъ себя утомленнымъ какъ будто бы послѣ долгой ходьбы. И вотъ, когда онъ лежалъ тутъ такимъ образомъ и въ головахъ у него шумѣли буки, а разбивавшіеся о каменистый берегъ волны пѣли подъ нимъ свою монотонную пѣсню, его утомленные отъ долгаго пристальнаго созерцанія безконечной пустыни глаза мало по малу закрылись.

(Продолженіе будетъ).

АТТАКА СОБАКЪ ПОДЪ УРГУТОМЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Туркестанца).

Никакая европейская война не представляетъ собою такого разнообразнаго выбора эффектиѣйшихъ эпизодовъ, какъ тѣ войны, которыя ведутся на окраинахъ цивилизованнаго міра, съ почти полудикимъ непріателемъ.

Грандіозные ужасы первой,—эти колоссальныя побоища, гдѣ въ нѣсколько часовъ погибаютъ десятки тысячъ человекъ, имѣютъ дѣйствіе притупляющее самыя неподатливыя нервы (слишкомъ много крови, чтобы нельзя

было наконецъ къ ней привыкнуть) и наблюдатель, пораженный съ самаго начала, постепенно приходитъ въ себя и равнодушно относится къ адскому грому чудовищныхъ орудій, хладнокровно отмѣчая, въ своихъ памятныхъ листахъ, жертвы происходящей передъ его глазами катастрофы.

Во второмъ случаѣ, на сцену выступаютъ уже не сотни тысячныя массы, а отдѣльные, единоличные актеры; вы можете слѣдить за рядомъ личныхъ подвиговъ, разнообразіе которыхъ разрастается совмѣстно съ разнообразіемъ характера исполнителей. Живой интересъ растетъ съ каждою минутою боя: комизмъ положеній потрясающимъ образомъ смѣшивается съ мрачной трагедіей смерти. Крайнее неравенство силъ, разнообразіе введеннаго въ дѣло оружія, пестрота и разнохарактерность костюмовъ и типовъ; наконецъ, религіозная ненависть, борьба за свои семьи и свободу, все ужасы и безвыходность могущаго случиться плѣна,—разжигаютъ личные страсти до невообразимыхъ предѣловъ, и передъ вашими глазами развертывается картина такой оригинально-ужасной борьбы, что вы какъ очарованные не можете оторвать своихъ глазъ отъ страшной арены—и понимаете, что должны были испытывать древніе римляне въ своемъ коллизѣ.

Такимъ характеромъ отличаются войны французовъ въ Алжирѣ, войны которыя велись американцами съ ордами краснокожихъ, и, наконецъ, войны которыя ведутъ наши боевые туркестанскіе баталіоны въ самой глубинѣ центральной Азіи.

Оторванные отъ своихъ семей, отъ своихъ деревень, отъ всего, что только хотя чѣмъ нибудь можетъ напоминать далекую родину, наши солдаты, безъ малѣйшаго ропота, идутъ черезъ безконечныя степи, черезъ мертвые, сыпучіе пески, черезъ горы упирающіяся въ небо своими снѣжными вершинами,—и забираются все дальше и дальше на югъ («все на полдень» какъ выражаются они сами) въ самое сердце неизвѣданной, враждебной Азіи.

Много бѣдъ, много тяжелыхъ нуждъ терпитъ нашъ солдатъ въ этихъ геройскихъ походахъ,—походахъ, съ которыми могутъ только сравняться походы Анибала, походы Александра Македонскаго.

Въ памяти полудикихъ народовъ центральной Азіи, переходя изъ рода въ родъ, разрастаясь до сказочныхъ, баснословныхъ размѣровъ, хранятся еще намеки на грандіозныя, завоевательныя попытки Македонскаго героя; его называютъ въ легендахъ и пѣсняхъ кочевниковъ «Улькунъ Искандеръ»—и свято чтить суевѣрный дикарь память этаго гиганта, приходившаго съ юга. Теперь видать новыхъ пришельцевъ, съ противоположной стороны,—пришельцевъ, передъ горстью которыхъ бѣгутъ несмѣтные полчища, падаютъ одно за другимъ сильныя, до сихъ поръ считавшіяся непобѣдимыя ханства. И вотъ, народная фантазія слагаетъ новую легенду..... Она говоритъ, что эти группы людей въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ страшными дальнобьющими ружьями, суть передовые отряды того же самаго великаго Искандера, который не умеръ, а весь этотъ длинный рядъ вѣковъ употребилъ на то, чтобы обойти всю землю и зайти со стороны, противоположной его прежнимъ походамъ,—съ сѣвера.

Тяжела походная жизнь русскаго солдата въ этой дикой сторонѣ; только закаленная, гибкая натура славянской расы можетъ бороться со всеми препятствіями, которыя ставитъ на каждомъ шагѣ суровая природа, не скупящаяся разсѣивать повсюду всякія невзгоды. Особенно

тяжело было прежде, когда наши завоеванія не получили еще серіознаго политическаго значенія. Теперь уже многое не то. Въ главныхъ пунктахъ, въ путевыхъ узлахъ, словно изъ земли выросли города, поднялись крѣпости, прокладываются новые, удобные пути; во-время снабжаются войска и хлѣбомъ и одеждою,—и солдатъ, сдѣлавшій трудный пятидесятиверстный переходъ, рассчитываетъ попасть на все готовое, и вдосталь отдохнуть отъ трудовъ..... Но давно-ли было, когда отряды наши шли ощунью, сами не зная куда, сами не зная кого имъ придется встрѣтить, съ кѣмъ драться и, частенько, сами не зная—зачѣмъ?

Да, то было другое время! трудное, «горевое», какъ выражаются солдаты, вспоминая о недавнихъ походахъ; но это время имѣло и свою увлекательную сторону, это время создало особый, оригинальный типъ русскаго солдата, типъ Черняевского туркестанца.

Вымираютъ старые солдаты—то въ госпиталяхъ, отъ мѣстныхъ, губительныхъ горячекъ, то въ бою, всегда первые подставляя свою безшабашную голову; немногіе уходятъ назадъ въ забытую родину, дослуживъ таки свою долгую, срочную службу,—и рѣдѣютъ ряды степныхъ ветерановъ. Но старый закалъ, этотъ своеобразный боевой духъ заразительно дѣйствуетъ на массу, и долго еще сохранится этотъ особый колоритъ,—развѣ совсѣмъ затихнутъ походы, совсѣмъ прекратятся наши азіатскія войны; а это возможно развѣ только тогда, когда вся Азія обратится въ Тулу или Калугу,—то есть никогда или, по крайней мѣрѣ, въ весьма отдаленномъ будущемъ.

Средне-азиатскія войны выработали особый типъ нашихъ солдатъ, выработали совершенно особую, оригинальную тактику, къ которой совсѣмъ непримѣнимы сложныя хитросплетенія военной науки европейскихъ армій. Да и какъ же могло быть иначе? Отряды въ три или четыре роты (около четырехъ сотъ солдатъ) считаются здѣсь сильными арміями—и этимъ крохотнымъ горстямъ приходится сталкиваться съ непріателемъ считающимъ въ своихъ рядахъ десятки тысячъ и даже сотни; подобное неравенство силъ не предвидѣла ни одна военная наука. И только безумная отвага, превосходное оружіе, а главное, таинственное обаяніе непобѣдимости «бѣлыхъ рубахъ» позволяетъ намъ съ успѣхомъ выдерживать эту неравную борьбу.

«Впередъ и постоянно впередъ»—вотъ единственный фундаментъ туркестанской тактики. Отступленіе, нерѣшительность не могутъ имѣть тутъ мѣсто. Иначе, малѣйшее колебаніе можетъ разрушить, или хотя поколебать это таинственное обаяніе,—и тогда, масса, сломивъ главную преграду, раздавить эту горсть храбрецовъ, и не помогутъ ей ни винтовки «минье», ни даже вновь присланные картечники.

Знойный, душлимый день; солнце поднялось надъ самой головой и палитъ все живое своими отвѣсными лучами. По степной, широко раскатанной дорогѣ клубится густая пыль; въ этихъ облакахъ, медленно, разгоняемыхъ лѣнивымъ вѣтромъ, сверкаютъ по временамъ блестящія тѣни, мелькаютъ красныя тряпки значковъ, бѣлѣютъ холщевыя рубахи: это идетъ отрядъ. Не такой отрядъ, который тянется на нѣсколько верстъ, занимая дорогу своими обозами, пушками, массами конницы и пѣхоты;—нѣтъ: онъ весь какъ на ладони, тутъ все: и арьергардъ и авангардъ и обозы.....

На маленькой азіатской лошади, лѣниво согнувшись

на казачьем сѣдлѣ, плетется шажкомъ командирь... Онъ въ шелковой бѣлой рубахѣ, на которой пристегнуты погоны, обозначающіе рангъ офицера; на головѣ у него широкая, русская фуражка, вся бѣлая съ большимъ холщевымъ назатыльникомъ, спускающимся назадъ въ поясъ; красныя кожаныя шаровары и высокіе походные сапоги завершаютъ оригинальный костюмъ,—далекій отъ установленныхъ, совершенно не практичныхъ форменныхъ костюмовъ, но за то не сочиненный фантазіей одного какого либо лица, а выработанный цѣлымъ рядомъ опытовъ и совершенно удовлетворяющій всѣмъ климатическимъ условіямъ. Съ боку у него виситъ не та неуклюжая, на весь околodокъ гремящая, совершенно никуда не годная сабля въ металлическихъ ножнахъ, которою вооружены чуть ли не всѣ европейскія арміи,—а легкая, острая какъ бритва, азіатская шашка, кокетливо, не стѣсняя движения, перекинувшая черезъ плечо на тонкомъ ремешкѣ. За плечами у офицера двухстволка (не для боя, а такъ, при случаѣ стрѣльнуть по фазану или какой нибудь мѣстной дичи, которая и пополнить на привалѣ незатѣйливый ужинъ туркестанскаго офицера).

Нѣсколько туземныхъ джигитовъ, въ оборванныхъ красныхъ халатахъ, въ широкихъ чалмахъ или острокопечныхъ хивинскихъ шапкахъ, сопровождаютъ командира: это и лазутчики, и «проводники», все что хотите. Это волонтеры, цѣль которыхъ война, не разбирая за что и съ кѣмъ. Совершенно добровольно пристраиваются они къ нашимъ отрядамъ и довольствуются только возможностью пограбить втихомолку послѣ удачнаго дѣла.

Согнувшись, закинувъ за плечи штуцера, навьюченные словно верблюды, бредутъ поднимая пыль линейные солдаты. Притомились они; липкій потъ грязными ручьями струится по загорѣлымъ лицамъ, пересохла губы и потрескались, пытливо смотрятъ глаза изъ подъ бѣлыхъ козырковъ шапокъ—они видятъ далеко на горизонтѣ синѣющія вершины холмовъ—у этихъ холмовъ вода, тамъ ночлегъ и отдыхъ; но эту воду, этотъ отдыхъ надо прежде взять съ боя. Недаромъ на горизонтѣ тоже разгуливаютъ по необъятной степи легкія облака пыли. То не вѣтеръ крутитъ, поднимая пески съ обгорѣлой степи; то тысячи невидимыхъ пока за далью конскихъ ногъ переносятся съ мѣста на мѣсто, горячася подъ своими разнообразными всадниками.

Врагъ близко. Его чувствуютъ наши туземные волонтеры и суется, непрерывно приподнимаясь на высокихъ стременихъ, силясь разглядѣть что нибудь за этою пылью; его чувствуютъ и наши бывалые степные ветераны, осматривая на ходу замки своихъ винтовокъ.

Киргизы, при вьючныхъ верблюдахъ, дикими криками и ударами ногоекъ сгоняютъ растянувшихся по дорогѣ верблюдовъ,—а то неравно отхватятъ лихіе наѣздики, которые все ближе и ближе стягиваются къ нашему отряду, замыкая свой волнующійся, живой кругъ. Окружить маленький русскій отрядъ и налетать на него со всѣхъ сторонъ—вотъ единственная тактика азіатовъ.

— Теперича гранатой бы въ нихъ!... говоритъ одинъ солдатъ другому, закусывая туземною лепешкою, которую раздобылъ изъ своего мѣшка-магазина.

— Далеко; погоди, ближе подойдуть, отвѣчаетъ другой.

— Чего далеко? ежели по той кучѣ—такъ въ самый разъ.....

Раздается собачій лай и злое, разнохарактерное тавканье.... Это ротныя собаки, которыя все время носились

по степи, вылавливая сусликовъ и другую степную живность; а теперь, почувявши близость ненавистнаго врага, собрались всѣ къ своимъ хозяевамъ и злобно рычатъ, вглядываясь въ далекія массы вражескихъ джигитовъ.

На досугахъ, во время мирныхъ стоянокъ, солдаты, лишенные общества, въ которомъ они могли бы найти хоть какое либо развлеченіе,—находятъ себѣ другого рода забавы..... Они заботливо выкармливаютъ всѣхъ щенятъ и усердно занимаются ихъ дрессировкою. Едва только какая нибудь косматая Жучка или Діанка принесетъ многочисленное потомство, какъ уже всѣхъ щенятъ разобрали по рукамъ; начинается самое заботливое ухаживаніе, а потомъ, когда малолѣтки станутъ прочно на своихъ косматыхъ ножкахъ, они поступаютъ въ солдатскую науку.. «Потому, хозяинъ служить—и ты служи» говоритъ уса-тый ветеранъ, весь увѣшанный георгиевскими петличками, сосредоточенно устанавливая лохматого «Шарика» на заднія лапки.

Въ число этихъ разнообразныхъ штукъ «солдатской науки» входитъ обязательнымъ образомъ.... бросаться на всѣхъ, кто только подходитъ къ отряду въ азіатскомъ костюмѣ.

Большаго труда стоитъ потомъ удержать этихъ понятливыхъ псовъ отъ самой яростной атаки на ненавистные халаты—и наши милиционеры-туземцы только тогда могутъ быть покойны, когда собаки успѣютъ привыкнуть и приглядѣтся къ ихъ лицамъ и поймутъ, что это союзники, а не враги, и что ихъ рвать не слѣдуетъ.

Откормленные до сыта, выросшія въ холѣ и нѣгѣ, эти собаки достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ и значительной силы—и съ помощью своей природной отваги, пренебрегая сабельными ударами и уколами пикъ, онѣ яростно нападаютъ на чужихъ всадниковъ и частенько стаскиваютъ съ сѣдла, уцѣпившись зубами за широкія помы халата.

Горе упавшему, горе тому кого собьетъ перепуганная лошадь—его заживо, буквально, разорвутъ озлившіяся, науськанные собаки.

Туркестанскій солдатъ въ своихъ Жучкахъ, Валеткахъ, Куцахъ и Діанкахъ имѣетъ самыхъ надежныхъ союзниковъ, въ преданности которыхъ онъ можетъ быть совершенно слѣпо увѣренъ.

Роль, которую играютъ собаки при отрядахъ, весьма серьезна—и пренебрегать услугами этого животного въ военномъ дѣлѣ никогда не слѣдуетъ.

Особенно эта услуга важна въ аванпостной, сторожевой службѣ.

Утомленный громаднымъ переходомъ,—такимъ, для котораго какому нибудь гвардейскому батальону понадобилось бы четыре дня, не менѣе,—невольно дремлетъ, облокотившійся на ружье часовой; но не дремлетъ за него косматый Шарикъ, и свернувшись клубочкомъ у ногъ своего хозяина, чутко поводитъ своими короткими ушами. Покойно могутъ спать солдаты, какъ бы ни былъ близокъ врагъ, зная, что ихъ многочисленные псы подымутъ оглушительную тревогу при малѣйшемъ его приближеніи.

Въ одномъ изъ горныхъ нашихъ походовъ, вой собакъ предупредилъ отрядъ почти за часъ до появленія непріятельскихъ всадниковъ. А сколько лазутчиковъ, сколько одинокихъ джигитовъ, подползавшихъ къ сонному отряду, были буквально пойманы нашими собаками.

Не даромъ обходятся псамъ ихъ геройскіе, боевые подвиги; въ пестрыхъ стаяхъ ротныхъ собакъ вы всегда найдете болѣе третикалѣкъ—то трехногихъ, то съ обруб-

леннымъ ухомъ, то покрытыхъ полу-зажившими широкими рубцами;—и какъ заботливо ухаживаютъ солдаты за ранеными псами! они не дѣлаютъ разницы между заботой о псѣ и человѣкѣ и ровно относятся и къ тому и другому.

На мой вопросъ, послѣ ургутскаго дѣла: — А убитыхъ сколько?—одинъ изъ унтеръ-офицеровъ мнѣ отвѣчалъ совершенно серьезно:

— Пятеро, ваше благородіе, Данило Максимовъ, Никита Ершовъ, Павелъ Ивановъ, «Волчекъ» и «Куцый». Да, Волчекъ и Куцый, сосчитаны были тоже въ числѣ павшихъ героевъ.

Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ характернѣйшихъ сценъ подобной собачьей атаки въ одномъ изъ сраженій «бухарскаго похода» въ 1868 году—именно эпизодъ передъ штурмомъ горнаго селенія «Ургутъ».

Еще съ вечера, отрядъ нашъ, состоявшій изъ шести ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ пушекъ, остановился на ночлегъ въ виду Ургута, до котораго оставалось не болѣе пяти верстъ. Передъ нашими глазами высоко поднимались темныя, горныя громады—и только скалистая вершины ихъ были залиты краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Не то туманъ, не то облака ползли по горамъ, спускаясь все ниже и ниже; въ этихъ дымчатыхъ полосахъ видѣлись темныя пятна—это были сады, окружающіе горное селеніе; кое гдѣ искрились яркія точки разложенныхъ огней и глухо доносился гулъ вѣтра, прорывавшагося въ горномъ ущельѣ—при входѣ въ которое и расположенъ былъ Ургутъ, — это сторожевое гнѣздо непокорныхъ горцевъ.

Всю ночь велись длинные переговоры; пріѣзжали изъ Ургута какіе-то странные всадники, быстро уѣзжали, возвращались снова, и снова начинались безконечныя трактата. Впослѣдствіи мы узнали, что все это было только военной хитростью—непріятелю надо было выиграть время, такъ какъ мы нагрянули совершенно врасплохъ, и они боялись, что мы начнемъ дѣло тотчасъ же, не откладывая атаки до слѣдующаго утра.

Всю ночь, между тѣмъ, въ тѣсныхъ улицахъ селенія воздвигались барикады, заваливались дороги и рылись оборонительныя канавы.

Утромъ на разсвѣтѣ, отрядъ нашъ, совершенно отдохнувшій и плотно закусившій жирныхъ мясныхъ щей, тронулся къ горамъ. Не доходя версты до садовъ, мы стали чтобы еще разъ попытаться склонить ургутцевъ къ по-

корности. Но теперь тонъ уже перемѣнился, и намъ отвѣчали самыми оскорбительными насмѣшками. Намъ говорили:

«Къ нашему городу подходилъ Тамерланъ (такъ написано въ нашихъ книгахъ) и ушелъ ни съ чѣмъ. На насъ шолъ Эмиръ Бухарскій и осрамилъ только свою бороду—положите и вы грязь на свою голову;—но у Эмира было войско: сколько глазъ ни видѣлъ съ высоты нашихъ горъ все это было покрыто его сорбазами; его зеленныя палатки тянулись вдоль, вплоть до самаго неба. А вы съ чѣмъ пришли, гдѣ ваше войско? Это чтоль?» и они презрительно поглядывали на нашъ крошечный отрядъ, на наши единственныя двѣ пушки, и даже сплевывали въ сторону, чтобы выказать намъ своей полнѣйшее презрѣніе.

Дѣлать было нечего, пришлось атаковать страшный Ургутъ и показать горцамъ, что иногда горсть бѣлыхъ рубахъ значить больше чѣмъ несмѣтныя полчища красныхъ куртокъ.

Къ вечеру Ургутъ палъ. Онъ былъ разграбленъ до тла и пылалъ, поднимая высокіе столбы чернаго дыма. Но эта адская атака и намъ обоилась не дешево. Свирѣпо дрались ургутцы, шагъ за шагомъ защищая каждый кустъ своихъ родныхъ садовъ, каждую саблю своего селенія. Хвастливыя власти, ведшія съ нами переговоры, бѣжали прежде всѣхъ—и настоящими защитниками оказались не воины, а жители вольнаго селенія.

Покуда велись утренніе переговоры, нетерпѣливые ургутскіе наѣзники все ближе и ближе подсакивали къ нашимъ ротамъ и задирали нашихъ солдатъ, спокойно ожидающихъ сигнала атаки, то вызывающимъ гиканьемъ, то заornoю бранью, а то подчасъ и маленькой, уныло гудящею пулкою, выпущенною изъ дула фитильнаго мултука (родъ ружья) съ подсошкой.

Ободренные безнаказанностью, джиты все ближе и ближе подсакивали, и наконецъ появились уже не болѣе какъ во ста шагахъ передъ нашимъ фронтомъ. Тогда выведенные изъ терпѣнія солдаты пустили на нихъ своихъ псовъ, давно уже рвавшихся отъ нетерпѣнія,—и началась отчаянная травля. Ближайшіе смѣльчаки разомъ поплатились за свою отвагу, и непріятельская кавалерія должна была отступить передъ своими четвероногими противниками. Еслибы боевые подвиги собакъ записывались въ военныя лѣтописи человечества, то 12 мая 1868 года заняло бы одну изъ блестящихъ страницъ военной исторіи.

Н. Карзинъ.

ПАРТІЯ ВЧЕТВЕРОМЪ.

Повѣсть Эрнста Экштейна.

(Окончаніе).

Тѣмъ временемъ поручикъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался своего новаго друга у большой липы. Онъ былъ на мѣстѣ еще въ десять часовъ. Сто разъ прошелся онъ взадъ и впередъ по маленькой просѣлкѣ, поглядывая направо и налево, какъ человѣкъ который не знаетъ, съ которой стороны придетъ къ нему рѣшеніе судьбы. Отъ времени до времени онъ останавливался и прислушивался. Все тихо. «Конечно,» сказалъ онъ самому себѣ, «я пришелъ почти часомъ раньше! Но все равно! Еслибъ онъ зналъ какая тоска палить меня, еслибъ онъ имѣлъ понятіе о томъ, что такое истинная, пламенная любовь, онъ давно уже прилетѣлъ бы сюда на крыльяхъ бури—не заботясь о буквальному исполненіи нашего условія. Нѣтъ, онъ никогда не любилъ Эмми!.. Или ужъ не

раскаивается ли онъ во вчерашнемъ общаніи? Га, безумная мысль! Неужели злодѣй вознесъ меня на вершину счастья для того только, чтобы повергнуть меня потомъ въ бездну несчастія? Глупость! Я неблагодаренъ! У него великое, благородное сердце! Кто знаетъ, можетъ быть его великодушіе сопряжено съ тайною борьбою, которая тѣмъ убійственнѣе, что онъ мастерски умѣетъ маскировать ее! Потерять Эмми — что можетъ сравниться съ этимъ несчастіемъ? Но нѣтъ. Онъ былъ такъ спокоенъ, такъ веселъ... Сердце у него тутъ ни при чемъ...

Онъ вынулъ часы.

— Четверть одиннадцатаго! пробормоталъ онъ. — Еще три четверти, если только онъ акуратенъ.

Тутъ до его слуха донесся стукъ колесъ. Онъ бросился